О Б 3 О Р Ы

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Обзор Вл. Орлова

Имя Дениса Васильевича Давыдова (1784—1839) принадлежит к числу наиболее известных имен русских поэтов начала XIX столетия. Уже в 20-х годах он был знаменит не только как видный военный деятель, но и как крупный писатель. При этом нельзя сказать, что литературная известность Давыдова была всецело связана с его репутацией народного героя", прославленного партизана впохи Наполеоновских войн. Литературная слава Давыдова старше его военной славы: "залетные послания" к Бурцову заучивалисьнаизусть и переписывались в "заветные тетради" задолго до партиванских поисков 1812 г. Поэже, в атмосфере шумного патриотического воодушевления, охватившего русское дворянское общество после "Отечественной" войны, окончательно сформироваласьслава Давыдова, слава в о и на и поэта. Канонический образ "певца-гусара", "Анакреона под доломаном", воспетого первыми поэтами своего времени (Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Баратынским, Языковым), увековеченный кистью Кипренского и пером Льва Толстого, прочно вошел в историю русской литературы.

Однако широкая известность Дениса Давыдова ни в какой мере не способствовала. делу научно-исследовательского изучения его личности, жизни и литературного наследства. В этом отношении Давыдову решительно не повезло. Нельзя сказать, что о Давыдове писали мало, давыдовиана (если составить ее) будет насчитывать не одну сотнюпубликаций, статей, заметок и даже отдельных книг; но вся эта обширная литература, в значительной своей части компилятивная и вообще не имеющая научного значения,, посвящена преимущественно военной деятельности Давыдова. Литературная же биография и поэтическое творчество Давыдова почти вовсе не служили предметом специального изучения. Больше того: даже самое литературное наследство Давыдова не было до последнего времени учтено и приведено в надлежащий порядок. До настоящего времени мы не имеем еще критически выверенного и прокомментированного издания сочинений Давыдова; последнее издание 1893 г., считающееся лучшим, — не полно и изобилует грубейшими искажениями текста. Большой, заключающий в себе документы первоклассного значения архив Давыдова пролежал около остолетия под спудом и дошел до нас в далеко не полной сохранности. Правда, материалами этого архива пользовался новейший биограф Давыдова В. В. Жерве, но свою книгу ("Партиван-поэт Д. В. Давыдов", 1913) он посвятил почти исключительно военной биографии Давыдова и поэтому все литературные материалы архива остались вне поля его эрения.

Цель настоящего обзора — дать краткую сводку данных о литературном наследстве Дениса Давыдова, как уже известном в печати, так и рукописном, в связи с пробаемой издания его сочинений, преимущественно же поэтических 1.

І. СОЧИНЕНИЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Давыдов не принадлежит к числу плодовитых писателей. Если приурочить начало его серьезной литературной деятельности к 1803 г., когда были написаны политические басни "Голова и ноги" и "Река и веркало" (до этого времени Давыдов писал дилетантские стишки, о которых сам насмешливо отзывается в "Автобиографии"), а последним

его поэтическим произведением считать "Современную песню", написанную в 1836 г., — то литературная деятельность Давыдова продолжалась тридцать три года. За это время Давыдов написал всего около с та небольших стихотворений (около 2500 стихотворных строк), около двадцати не слишком обширных статей мемуарного и военно-исторического характера и одно специальное сочинение ("Опыт теорий партизанского действия").

При жизни Давыдов издал четыре книжки своих сочинений: 1. "Опыт теории партизанского действия" (М., 1821, 2-е изд., М., 1822) 2, 2. "Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона" (М., 1825), 3. "Замечачия на некрологию Н. Н. Раевского, изданную при "Инвалиде" 1829 года, с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал" (М., 1832) и 4. "Стихотворения" (М., 1832).

Начав литературную деятельность в 1803 г., Давыдов впервые отдал в печать свое стихотворение только через пять лет — в 1808 г. (элегию "Договоры" в "Вестник Европы"), да и впоследствии стихотворения Давыдова появл ялись в журналах и альманахах крайне редко (в 1810-1811 гг. в "Собрании русских стихотворений", изд. В. Жуковским, и в "Вестнике Европы", в 1815 г. в "Амфионе", в 1816—1817 гг. в "Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете", в 1819 г. в "Благонамеренном", в 1820 г. в "Сыне Отечества", в 1821 г. в "Рецензенте", в 1823 г. в "Полярной Звезде", в 1826 г. в "Сириусе", в 1827 г. в "Московском Вестнике" и "Московском Телеграфе", в 1829 г. в "Северной Звезде", в 1830 г. в "Литературной Газете" в 1834 г. в "Библиотеке для Чгения" и "Северной Пчеле", в 1836 г. в "Современнике" и в 1837 г. в "Библистеке для Чтения");—при этом следует заметить, что многие стихотворения Давыдова попадали в печать помимо его воли и желания: журналисты и альманашники, учитывая громкую славу Давыдова, без зазрения совести предавали тиснению его стихи, ходившие по рукам в многочисленных списках; таким контрабандным способом были напечатаны стихотворения Давыдова в "Благонамеренном" А. Е. Измайлова, "Рецензенте" В. Н. Олина, "Сириусе" и "Северной Звезде" М. А. Бестужева-Рюмина, "Северной Пчеле" и "Библиотеке для Чтения" (1834). Безусловно авторскими публикациями можно признать только стихотворения, появившиеся в "Вестнике Европы", "Амфионе", "Трудах Общества любителей российской словесности" (сюда стихи Давыдова были сообщены В. Л. Пушкиным, вероятно по просьбе автора), "Полярной Звезде", "Московском Вестнике", "Литературной Газете", "Современнике" и "Библиотеке для Чтения" (1837).

Всего за тридцать три года литературной деятельности Дениса Давыдова в журналах и альманахах появилось только тридцать восемь его стихотворений, то-есть немногим более трети имевшихся в портфеле автора. Много стихотворений Давыдова, не попавших в печать, как уже было сказано, имело широкое распространение в списках и устной передаче. Когда в 1826 г. приятель Давыдова М. В. Юзефович "выразил ему сожаление, почему он до сих пор не собрал и не издал своих стихотворений", Давыдов ответил ему: "Эх, братец, к чему? Ведь их и без того все знают наизусть", а потом прибавил: "а издай их — выйдет книжонка; да онй врозь не так и приедаются" 3.

Только через шесть лет после беседы с Юзефовичем Давыдов собрался наконец издать "книжонку", сославшись при этом на неотступные уговоры друзей. В 1832 г. в Москве была отпечатана, под фирмой книгопродавца И. Г. Салаева, в типографии Августа Семена при Медико-хирургической Академии, небольшая (стр. XXIII + 112 + II) книжка "Стихот ворения Дениса Давыдова", являющаяся первым и единственным прижизненным изданием поэтических произведений Давыдова. В предисловии "От издателя" (т. е. И. Г. Салаева, хотя есть основания предполагать, что написано оно самим Давыдовым) сказано: "Получив позволение от Дениса Васильевича Давыдова напечатать стихотворения его, издатель нужным считает поместить здесь легкий очерк жизни его, написанный одним из друзей-сослуживцев сего военного человека и оригинального Поэта нашего. Денис Васильевич с самого детства привык делиться с ним чистосердечными чувствами открытой души своей, любил всегда передавать ему свои мысли и переска-

ДЕНИО ДАВЫДОВ Портрет маслом неизвестного художника Исторический Музей, Москва

зывать заветные свои подвиги. Не смея оскорбить скромности Автора, Издатель не может открыть его имя: проницательные читатели, может быть, сами угадают оное". --Речь идет эдесь об известной "Автобиографии" Давыдова, которою (под заглавием: "Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова") открывается сборник 1832 г. Об "Автобиографии" скажем несколько слов ниже, здесь же приведем из нее одну цитату, хорошо рисующую пресловутое "кокетство" Давыдова в отношении своей литературной деятельности. Хотя Давыдов готов согласиться, что "издаваемые ныне Стихотворения дают ему право на Адрес-календарь Глазунова и на уголок в Императорской Публичной Библиотеке, в сем богоугодном и странноприимном заведении, куда стекаются любовники заманчивых дев Парнасса", но тем не менее он "не искал авторского имени и как приобрел оное, — сам не знает". "Стихи его пахнут биваком. Они были писаны на привалах, на дневках между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это росчерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, повелений подкомандующим. Они были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские и уланские полки: за шумными трапезами, в винных парах, среди буйного разгула" и, конечно, "никогда не приходило ему на мысль возобновлять в памяти забывших достойное и**ли** не достойное внимания ратование его; —никогда не решился бы он на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы для помещения ее на непременные квартиры у книгопродавца, если бы друзья его на сие его не уговорили, доказав ему, что одно и то же покоиться ей розно или вместе". Далее Давыдов подчеркивает, что "сбор этот стоил ему не малого труда", что "некоторые стихотворения изторгнуты им из... журналов, а другие, переходя из рук в руки писцев, более или менее грамотных, изменились до того, что и самим Автором едва были узнаны. Не говорим уже о тех, которые, прославляя разгульную жизнь, не могли тогда и не могут теперь показаться на Инспекторский смотр Ценсурного Комитета, и о тех, кои исключены им из списка за рифмы на глаголы..."

Этим заявлением определяется, в сущности, объем и характер издания. Перед нами сборник избранных стихотворений Дзвыдова, где поэт "объекадронил все, что мог, из своей сволочи", исключив вещи 1) нецензурные и 2) с его точки эрения технически несовершенные ("рифмы на глаголы"). Впрочем понятие "нецензурности" нужно понимать в данном случае условно и ограниченно. Давыдов включил в сборник самые откровенные шалости своей гусарской музы (например стихотворение "Герою битв, биваков, трактиров и б. . . . "), заменив только иные слишком уж "вольные" слова весьма проэрачными точками. Кроме того еще в нескольких случаях были выпущены и заменены точками антиклерикальные и антиправительственные стихи (см. например стр. 24: "Эрот — сей [бог богов]", или стр. 85: "Даст мне чин [за вахтпарады]"). Ранние фрондерские басни Давыдова ("Голова и ноги", "Река и веркало") в сборник разумеется не попали (они были напечатаны впервые только в 1869 и 1872 гг. и то с цензурными купюрами. — См. ниже).

Всего в сборник 1832 г. вошло сорок одно стихотворение, из которых семнадцать появлялись в печати впервые, а двадцать четыре были перепечатаны из различных журналов и альманахов 1808—1830 гг. (таким образом из прежде напечатанных пьес четыр надцать были забракованы Давыдовым и между ними такая дентральная в его творческом наследии вещь, как элегия "Договор", появившаяся поэже в кардинально-измененной редакции и с подзаголовком "сатира" в "Библиотеке для Чтения" 1837 г.). Впервые появились в сборнике 1832 г. такие известные стихотворения Давыдова, как оба послания к Бурцову, "Гусарский пир", "В альбом" ("На выоке, в тороках цевницу я таскаю"), "Другу-повесе" ("Болтун красноречивый"), "Поэтическая женщина", "Элегия VIII" ("О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов"), "Решительный вечер", "Вечер в июне", "Гусарская исповедь", "Герою битв, биваков, трактиров и б "

Из письма Давыдова к П. А. Вяземскому от 14 мая 1832 г. 4 известны условия, на каких И. Г. Салаев издал "Стихотворения" (а также одновременно "Замечания на некрологию Н. Н. Раевского"). Бумага ("самая лучшая") и печать шли за счет Салаева

с последующим погашением), обе книжки печатались по два завода, т. е. по 2400 экземпляров, продажная цена "Стихотворений" была определена в 6 рублей. Салаев
предлагал Давыдову продать ему рукопись обеих книг за 4000 рублей, но Давыдов
"предпочел продавать сам, платя ему 20 процентов за комиссию" (Салаев обязался
высылать Давыдову деньги за проданные экземпляры ежемесячно). Таким путем Давыдов рассчитывал выручить от продажи одних только "Стихотворений" 11 520 рублей (из которых 3000 рублей нужно было уплатить Салаеву за расходы по печатанию).

Однако по условиям книжного рынка того времени "Стихотворения" раскупались очень медленно, и в феврале 1836 г. Давыдов сообщал жене: "Салаев объявил мне, что про дажа Стихотворений моих совсем остановилась. Продано 1200 экземпляров по 6 руб., следственно за 7200 р., а так как печатание стоило мне 3000 р., то барыша я получил 4200. Осталось около 1000 экземпляров, которые я хотел взять к себе и сжечь, потому что за новое издание мне в Петербурге предложили 3000 р., но вдруг Салаев предложил мне за эти 1000 экземпляров, которые в мыслях моих котел [я] уничтожить, он предложил мне 1000 р. бумажками. Какова находка? Натурально я сейчас [же] принял предложение, хотя плата назначена в сентябре" 5.

Давыдов остался недоволен внешностью издания: "Нет, как ни говори и как ни люби нашу матушку Белокаменную, — писал он П. А. Вяземскому 18. октября 1832 г., — но она весьма отстала от Петербурга даже в красоте книгопечатания; вкусу нет! Я думал что Семен лучше всех дело сделает, но Семен, как Селивановский, а Селивановский как наборщик Синодальной типографии. Впрочем я сам виноват, такие дела не препоручают другим, а требуют надзор хозяина. Будь я в Москве, то издание было бы красивее и не было бы опечаток, которые мне глаза колят. Например в новой моей пьесе Гусарская исповедь не видали бы: "Где спесь до подлости". А было бы как в оригинале: "Где спесь да подлости". Также вряд ли бы я решился позволить напечатать Некоторые черты моей жизни, или, если бы решился, то многое бы в них переменил" в.

Что касается последнего замечания, то оно не выдерживает никакой критики: достоверно известно, что Давыдов самым настойчивым образом продвигал в печать свою "Автобиографию" (написанную в третьем лице) и еще за три года до появления "Стихотворений" опубликовал ее (под заглавием "Некоторые черты из жизни и деяний генерал-майора Давыдова") в журнале "Русский Эритель", с предисловием и примечаниями М. П. Погодина (издававшего "Русский Зритель" за К. Ф. Калайдовича, впавшего в психическое расстройство). В предисловии своем Погодин писал: "Дальновидиые и проницательные из читателей, может быть, угадают имя почтенного Автора. По жрайней мере мы, не смея оскорбить его скромности, оставим оное под непроницаемою завесою неизвестности и познакомим Публику с таинственным Анонимом" (в "Русском Зрителе", , Автобиография" появилась без всякой подписи). Журналисты 20-х годов пироко воспользовались прозрачным намеком Погодина. Так например Н. А. Полевой не без язвительности заметил в своей рецензии о "Русском Зрителе": "По скромности, с какою говорится о богатырских подвигах Давыдова, по слогу, живому, пламенному, кто не будет не дальновиден в угадке" 8. Ср. также в "Обозрении российской словесности за 1828 год" О. М. Сомова: "Кто-то из друзей славного партизана-повта набросал... главные случаи его жизни таким бойким воинским слогом и с такою легкостью, которые напоминают нам все приемы любимого певца биваков" 9.

Друзья Давыдова конечно знали, что "Некоторые черты" принадлежали перу самого "певца биваков"; об этом писал например П. А. Плетнев В. А. Жуковскому после появления "Стихотворений" 1832 г. 10 Сам Давыдов был обеспокоен догадками и намеками и просил П. А. Вяземского: "пожалуйста уверяй всех и каждого, что очерк жизни моей не мною писан, а умершим в этом году старинным моим другом и товарищем сармейского ротмистерского чина моего генерал-лейтенантом Ольшевским. Тем это будет правдоподо бнее, что он писал, и писал хорошо. Соглашаться же, что этот очерк моего пера — неловко, ибо, как ни говори, в нем много снисходительного для меня и язвительного для других" (письмо от 7 декабря 1832 г.) 11. Вяземский внял просьбе Давы-

дова и в письме к В. А. Жуковскому (от 11 декабря 1832 г.) сообщал об "Автобиографии" как о произведении, не принадлежащем Давыдову 12.

Умерший в 1832 г. генерал-лейтенант Осип Данилович Ольшевский, ставший жертвой давыдовской мистификации, в 1815 г. командовал гусарским принца Оранского полком О его литературных занятиях нам ничего не известно. В письме к А. А. Закревскому 1826 г. Давыдов отозвался о своем "старинном друге и товарище" не слишком благосклонно: "Ольшевский, с которым всякий благородный человек не желает жить и умереть" 18.

В "Русском Зрителе" 1828 г. и в "Стихотворениях" 1832 г. "Автобиография" была напечатана без подписи, но уже в предисловии к "Сочинениям" Давыдова изд. 1840 г (подготовленных к печати самим Давыдовым, о чем см. ниже) анонимный "друг-сослуживец" был назван по имени, правда зашифрованному: "Здесь помещается... очерк жизни Давыдова, произведение... покойного генерала-лейтенаета О. Д. О-го, ошибочно принятое некоторыми читателями за его [т. е. Давыдова. — В. О.] автобиографию" Далее приведен отрывок из письма Давыдова к издателю (А. Ф. Смирдину), где объясняется, что О. Д. О-й написал "очерк жизни" поэта "в дни отдыха от битв и военных тревог польской кампании 1831 г." Давыдов повидимому сам позабыл, что "Автобиография" появилась в печати еще за три года до польской кампании — в "Русском Зрителе" 1828 г. (на эту обмольку, насколько нам известно, не было обращено внимания ни в современной Давыдову печати, ни поэже).

Давыдов неоднократно переделывал и исправлял "Автобиографию". Автографов ее не сохранилось, но известно несколько печатных редакций, содержащих существенно-важные варианты (ср. тексты "Русского Зрителя" 1828 г., "Стихотворений" 1832 г., "Сочинений" 1840 г., а также текст, сообщенный М. Розановым "из бумаг гр. П. П. Сухтелена" 14). О времени составления "Автобиографии" точных данных не имеется, но можно предполагать, что в первой редакции она была написана в конце 10-х годов и вовсяком случае не позже 1821 г., так как несомненно о ней сообщал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу в письме от 18 декабря 1821 г.: "Спроси у Греча присланную ему биографическую статью Дениса Давыдова. Прелестная шутка!" 15

С 1832 г. Давыдов "пустился в военные записки" и печатал свои мемуарные и военно-исторические статьи в разных журналах, преимущественно в "Библиотеке для. Чтения" 1834—1836 гг. (т. II — "Встреча с фельдмаршалом графом Каменским", т. Х — "Мороз ли истребил французскую армию в [1812 году", т. ХІ — "Встреча с великим Суворовым", т. ХІІ — "Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау", т. ХV — "О том, как я, будучи штаб-ротмистром, хотел разбить Наполеона") и в пушкинском "Современнике" 1836 г. (т. III — "О партизанской войне", т. IV — "Занятие Дрездена"). Кроме того в "Сыне Отечества" 1838 г. (т. III) Давыдов напечатал статью "Воспоминание о Кульневе в Финляндии" (отрывок из нее под заглавием: "Извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова. Кампания 1808 года. Финляндия" был напечатан в "Мнемозине" I, 1824), а в первом томе смирдинского сборника "Сто русских литераторов" (1839) — "Тильзит в 1807 году".

Статьи Давыдова появлялись в журналах в искалеченном виде. Редактор "Библиотеки для Чтения" О.И. Сенковский выправлял слог Давыдова и "одолжил его собственными вставками, о коих он не просил"; в письме к Н. М. Языкову от 11 сентября 1835 г. Давыдов писал о Сенковском, "исковеркавшем" статьи его: "Про него можно сказатьто, что Наполеон говорил о Фуше: "Сет homme a la manie de fouler le pied dans le soulier de tout le monde". Что ему мешало оставить в покое пять слов, заключающих Встречу с Суворовым: "и Прага, залитая кровью, курилась", это и коротк о и картинно Как же он разжижил это: "И Прага курилась, залитая кровью защитников". Этот уродне понял, что слово курилась на конце периода есть последний мах кисти живописца, следственно в нем и вся сила периода" 16. В "Современнике" же статьи Давыдова "вполне охолостила" цензура, несмотря на энергичную защиту Пушкина (см. данные переписки Давыдова с Пушкиным за 1836 г.). При новом издании прозаических сочинений Давыдова нужно будет обратиться к автографам и авторизованным спискам, сохранившимся в архиве Давы дова.

Jegny myon pockooun is mare nont hake passeparce 12 hage the H. H. W. The Stand Company of negacianing. Whary Kink & Corpainting, et mink nope kore tet Part of Motors of a part of Marka Land of a floridaring of the order o Mr. Sygene Hains ogta, guest to C. 1236, me. Da R. Kant housing nouminaon's Honomamber angled name Albe mound reprograme consenous bearested passens posel Ne 8 18 9 18 18 20 ? Memory 3.8 3 year. Kaken ON & Refer & Coach meraline popular hand gorden weeks cools Liegent motion of grand, yen end in characteris. urs 3000 mouna hacutainteres Komophico Charlesoper Olywho y nemborand, dois mucky marks bacut Morning of the way of the gold good - More co mound Kypestedart warehand of Loppemann, is orkanin U ino da ugamie, ummi cogoanbal Annaha the bland transfer de Jest Laughter & 34 4058. Woung Mothemored , 46 sugary web. Dolumant the 62 might alfacines coastracmes of show set Я паль небоюв, по Модних бытуновв, the nominating, the waying offered replanting - Hate, & Mobine moode. Co Blacks Hasapanamb Copyer Horin gove bopb Keyyoboulondin a Kangotalina Chopen ... Time us the Broketa, the wooled to duggeryon Madde chanced · Come Hapead Commes. (Lughy Ham & Brode " ! it buyens our. Meanthout one care to the me the comment of the Court Checomach 128 Thyung rope want mode, kort 66 chapes igoboly; On water The probounds Lands! Ho bigode, to trappose with pooloub ed Marbunkanu, 65 Marbunun Tonobasue; Uno 1/16 yanant, nough hand protest . 190 Live metal To time daggardeone mess and obsence " Tourstand & son mate ? 1415 days 1 puras to come Alex Hough to to per ma the chocat. Boy a strange to were uners we und og no to U con things and asgram transfuly and 2 deliverant a demonstrate more born. Ka Kolo ? Parengoko Keberando es allypana cupmand: The Est. to make 40 Der cha - to wache The desmanding of grown week book for fast in C. a. Vone Becel, See 20 deducatono cuquia cuso . Mapa kyka into a Weener march of the second of the second of The Ob Moth Representations DolobopE. MEMBER ON AKE . - THE KENE LADERTAIN TO THE WAS LOCUME? show touchugadery

АВТОГРАФ СТИХОТВОРБНИЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА «ДОГОВОР» Денинградское отделение Центрархива Журналисты 30-х годов очень дорожили сотрудничеством прославленного Давыдова. Издатель "Библиотеки для Чтения" А. Ф. Смирдин предлагал ему наивысший по тем временам гонорар — в 1833 г. по 200, а в 1834 г. по 300 руб. за печатный лист ¹⁷.

Давыдов получал также неоднократные предложения относительно нового, расширенного издания "Стихотворений", но из года в год откладывал его, пока наконец в начале 1837 г. не задумал, по предложению А. Ф. Смирдина, издать собрание всех своих сочинений в стихах и в прозе. Тогда же он приступил к сбору и распределению материала (см. ниже), и в конце 1837 г. рукопись "Сочинений", в трех частях, была представлена в петербургскую цензуру, где сильно пострадала от самоуправства военного цензора А. И. Михайловского-Данилевского. Давыдов забрал рукопись обратно и, сделав некоторые изменения в тексте статей, в начале 1837 г. представил их снова Михайловскому-Данилевскому в надежде, что теперь они встретят более благосклонный прием. В неизданном письме к Н. В. Путяте от 23 марта 1838 г. он писал: "я продаю сочинения мон как сало и деготь. Прошлого года я продал Смирдину мон стихотворения и прозы 7 статей. Теперь к этим семи статьям прибавдю еще пять. Из этих пяти статей три уже были некогда напечатаны в разных журналах — а две девственницы. Эти статьи были в ценсурном комитете во время моего последнего приезда в Петербург и потерпели как храбрые эскадроны после горячей и неудачной сечи. Я отретировался с ними в Москву, где, исключа из фронта все убитое и раненое, соединил разорванные части и двигаюсь с войсками моими снова на поприще. Но дабы Данилевский не по думал, что я переписал сполна прежде бывшие статьи в ценсуре без исключения вз них того, что им было вымарано, -- я прилагаю при сем и старые тетради с их полученными от ценсуры ранами. Слича их с тетрадями набело переписанными, он может удостовериться, что с моей стороны все сделано в угодность умогасительному Комитету и что ему остается только подписать внизу их позволение печатать". В том же письме Давыдов просит Н. В. Путяту, как только будет получена виза военной цензуры, "послать за Смирдиным и продать ему все пять статей". "Еслиб все они были новые, то я бы не отдал их менее 3500 р., — пишет Давыдов. --- Но так как три из них были уж, хотя и давно, напечатаны, по сему случаю я все пять готов отдать (между нами сказать) за 2000 р. асс.; а если более можете отпибить у Смирдина, тем лучше. Просите с него при начале 3000, потом 2500 — а там 2000, но ниже не ходите. Объявите ему что если он не согласится, то я сам их напечатаю и отдам продавать другому книгопродавцу, который распродаст их наравне с его продажей, ибо кто купит у него книгу с 7-ю статьями, тот купит и книгу с 5-ю статьями, дабы иметь все сочинения мои вполне. Словом, повторяю мою покорнейшую просьбу: постарайтесь продать за 2000 р. асс..... Сверх этих денег вот кондиции мои с Смирдиным: по напечатании моих сочинений, стихотворений и прозы всех двенадцати статей, уступка мне 25 экземпляров на велиновой бумаге и ни под каким предлогом не печатать ни единой моей строки в Библиотеке для Чтения, но позволяю печатать все, что он хочет из них, в Сыне Отечества" 18.

Последнее условие вызвано было уже отмеченной выше "правкой" рукописей, поступавших в журнал Сенковского. В 1838 г. почти все виднейшие русские литераторы печатно заявили о своем отказе от сотрудничества в "Библиотеке для Чтения"; в их числе был и Денис Давыдов ¹⁹. В "Сыне Отечества", издававшемся, так же как и "Библиотека для Чтения", Смирдиным, но выходившем под редакцией Н. А. Полевого, была помещена только одна статья Давыдова ("Воспоминание о Кульневе").

Неизвестно почему, но Давыдову так и не удалось осуществить свой издательский проект в 1838 г., а 29 апреля 1839 г. Давыдов умер, и уже после его смерти вышли в свет "Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В трех частях. В торое издание, исправленное и дополненное" (СПБ. В типографии Александра Смирдина. 1840. Стр. XV + 86 + 182 + 170; на обороте титульных листов каждой части помечено: "Издание книгопродавца А. Ф. Смирдина"; цензурная виза во всех трех частях — 24 декабря 1837 г., подписана цензором А. Никитенко).

В предисловии "От издателя" читаем: "Мятежная жизнь, нераздельная с военным бытом, причиною тому хаосу, в котором находились бумаги нашего партизана-поэта.

Трудно было извлечь из них все произведения его без остатка; вот "почему некоторые из его товарищей тщетно искали в первом издании слышанные ими стихотворения из собственных его уст. По убедительной просьбе их Денис Васильевич взял на себя труд разобрать пыльные тетради, листы, страницы и клочки страниц, сваленных грудами в давно забытых им портфелях. Попытка его была не без успеха. Он отыскал между ними до двадцати стихотворений, мало кому известных, и дозволил мне, присовокупляя к изданным уже в 1832 году г-м Салаевым, приступить ко второму изданию всех его стихотворений. Далее приводится отрывок якобы из письма Давыдова, "на днях" приславного издателю, где разъясняется, что "Очерк жизни Д. В. Давыдова" является, вопреки догадкам "некоторых читателей", произведением пера не самого Давыдова, а его "старинного друга-сослуживца, покойного О. Д. О-го".

Предисловие "От издателя" — очередная мистификация Давыдова. В его архиве (тетрадь № 68) мы нашли черновик этого предисловия, писанный рукой Давыдова. Повидимому, задумав в 1837 г. издание "Сочинений", Давыдов "впрок" заготовил предисловие от имени издателя — А. Ф. Смирдина.

"Сочинения" 1840 г. являются таким образом изданием авторизованным, котя есть основания предполагать, что после смерти Давыдова план издания был несколько изменен (в части расположения стихотворных текстов). Делится оно, как уже было сказано, на три части: в первую вошли "Автобиография" и "Стихотворения", во вторую — статьи: "Встреча с великим Суворовым", "Встреча с фельдмаршалом графом Каменским", "Воспоминание о сражении под Прейсиш-Эйлау", "Урок сорванцу", "Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона", "Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?", в третью — "Письмо к Сир Вальтер-Скотту" (опубликованное впервые в "Сыне Отечества" 1840, т. II), "Воспоминания о Кульневе в Финляндии", "Тильзит в 1807 году", "Замечания на некрологию Н. Н. Раевского", "Занятие Дрездена" и "Отрывки из партизанского дневника" (опубликованы впервые в "Отечественных Записках" 1820 и 1822 гг. и в "Сыне Отечества" 1840 г., т. II) — всего двенадцать статей.

Отдел стихотворений в издании 1840 г. значительно пополнен сравнительно со сборником 1832 г. Тринадцать стихотворений появилось здесь впервые, среди них: "Ответ" ("Я не поэт, я — партизан, козак"), "Романс" ("Не пробуждай, не пробуждай"), "Я вас люблю так, как любить вас должно", "Я не ропщу", "В былые времена она меня любила", "Романс" ("Жестокий друг, за что мученье?"), "Я помню — глубоко", "Выздоровление" и др. Кроме того Давыдов включил в издание некоторые ранние свои стихотворения, не вошедшие в сборник 1832 г., например "Договоры" (в новой редакции 1836 г.), а также стихотворения, появившиеся в периодической печати после издания 1832 г. (например "Челобитная", "Вальс", "Море воет, море стонет", "Речка", "Листок"). Включена была в собрание и "Современная песня" — последнее произведение Давыдова (в печати впервые она появилась уже после смерти Давыдова в альманахе "Утренняя Заря" 1840 г.).

Но вместе с тем Давыдов почему-то исключил из собрания две пьесы, вошедшие в издание 1832 г.: "Моя песня" ("Я на чердак переселился") и "В альбом" ("На вьюке, в тороках цевницу я таскаю") — обе 1811 г.; пропуск этот был отмечен реценвентом "Отечественных Записок" (см. 1840, т. XII, № 9, отд. VI, стр. 5).

Совершенно непонятен принцип распределения стихотворений внутри первой части издания 1840 г. Если в сборинке 1832 г. Давыдов разделил все стихи в сущности на два отдела: 1) влегии и 2) все остальное, отнеся в конец книжки "гусарщину", то здесь стихи его явились действительно "наездниками, поодиночке, налегке, наскоком" (из "Автобнографии" Давыдова). В издании 1840 г. нарушен и хронологический, и жанровый принцип распределения материала, ранние стихи (1800—1810 гг.) идут вперемежку с позднейшими (30-х гг.), "гусарщина" мирно уживается на одной странице с влегиями и альбомной любовной лирикой. Нужно думать, что такой порядок (вернее беспорядок) пьес был установлен не самим Давыдовым, а его издателем. Впрочем возможно также, что Давыдов намеренно отказался от более стройного построения "рассеянной своей стихотворной вольницы", особенно если учесть усвоенную Давыдовым манеру насташвать на стихийности и "гусарской" небрежности своего творчества.

Издание 1840 г., постредало не только от военной цензуры. Не говоря уже о том, что в него не вошли "крамольные" басни 1803 г., некоторые стихотворения попрежнему напочатаны были с пропусками "опасных" строк; так например, в послании Бурцову читаем (как и в издании 1832 г.):

Даст мне чин...

вместо:

Даст мне чин за вахтпарады И Георгья за совет!

"Гусарская исповедь" же появилась в еще более урезанном виде, чем в сборнике 1832 г.; из нее были выброшены стихи:

Где спесь да подлости, вельможа да колоп.... Где под подушками потеет столько ж...

Стихотнорение "Герою битв, биваков, трактиров и б..... " переменило свое зазорное заглавие на более благопристойное: "Храброму повесе", а "вольные" слова в нем, помеченные в сборнике 1832 г. начальными буквами, были заменены здесь целомудренными точками. У стихотворения "С. А. К[ушки]ной" ("Вы личиком Пафосской бог") очевидно ножницами цензора было отрезано "божественное" окончание:

... с восторженной душой Мы вам, как божеству, несем кадил куренье, Обеты чистые, и гимны, и моленье!

В "Современной песне" строкой точек был заменен стих:

И в Москве поляки.

И только в одном случае — в послании "Другу-повесе" ("Болтун красноречивый") — стих 36-й, в издании 1832 г. напечатанный так:

Эрот — сей

бых дополнен:

Эрот — сей бог богов.

Кроме того в тексты "Сочинений" 1840 г. сравнительно со "Стихотворениями" 1832 г. было внесено много мелких изменений (в заглавиях пьес, орфографии, в пунктуации). Через восемь лет Александр Смирдин (младший) издал в одном томе "Сочинения Давыдова" в составе известной серии "Полное собрание сочивений русских авторов" (СПБ., 1848, стр. XXVI + 640 + 7 чертежей). Издание это в основном является точным повторением предыдущего, кроме многочисленных новых опечаток (опечатками знаменита вообще вся смирдинская серия). Насколько небрежно издавал А. А. Смирдин свою серию, видно из того, что в "Сочинениях Давыдова" пропущена басня "Чиж и роза", напечатанная в изданиях 1832 и 1840 гг. Все цензурные купюры прежних изданий конечно сохранены и в этом, за исключением одного только случая: упомянутые выше два стиха из послания Бурцову напечатаны полностью. Единственным дополнением в смирдинском издании (впрочем дополнением довольно существенным) является перепечатка "Опыта теории партизанского действия"; (по взданию 1821 г.), отсутствующего в "Сочинениях" 1840 г.

В 1860 г. в Москве вышло в свет новое трехтомное и внешне прекрасно оформленное издание: "Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Издание четвертое, исправленное и дополненное по рукописям автора", подготовленное к печати еще в 1858 г. сыном Дениса Давыдова — Денисом Денисовичем 20. Издание 1860 г. проходило через две цензуры — гражданскую и военную, при чем проходило не без затруднений: в марте 1859 г. издателю были возвращены "безодобрения" статья Дениса Давыдова "Воспоминание о 1826 годе" (напечатанная

РАЗБОРЪ

ТРЕХЪ СТАТЕЙ,

помъщенныхъ

nn

ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

ЛЕНИСОМЪ ДАВЫДОВЫМЪ.

MOCRBA.

Въ, Тинографіи Семена Свливановскаго. 1825.

Thusty muroja Breadows powery By coly

and Courumente -

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ ДЕНИСА ДАВЫДОВА «РАЗБОР ТРЕХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЗАПИСКАХ НАПОЛЕОНА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Г. В. ОРЛОВУ
Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

впервые в сильно урезанном виде в альманахе "Русская Беседа" 1841, т. II), а также его (издателя) собственная статья "Известия о жизни Д. В. Давыдова" ²¹. Впоследствии Д. Д. Давыдов добился впрочем пересмотра решения цензурного комитета, и обе статьи появились в его издании.

Издание 1860 г. строилось как полное собрание сочинений Дениса Давыдова, очищенное от всех погрешностей, вкравшихся в прежние издания. Кроме того в нем впервые была сделана попытка учесть и ввести в научный оборот богатое рукописное наследие поэта. Издатель — Д. Д. Давыдов — писал в предисловии: "Недостаток полного собрания сочинений этого автора и найденные мною новые рукописи с весьма значительными изменениями и дополнениями, — все это побудило меня предпринять новое издание сочинений покойного отца моего". Однако ни та, ни другая задача не были выполнены с достаточным успехом. Неискушенный редакторским опытом Д. Д. Давыдов не сумел воспользоваться до конца имевшимися в его распоряжении архивными материалами: его издание далеко не полное и весьма небезупречное в смысле достоверности текстов.

Из трех томов издания 1860 г. два первых заняты прозой Давыдова. К статьям, уже известным по изданиям 1840 и 1848 гг. (с "Опытом теории партизанского действия"), здесь было прибавлено три новых: уже упомянутые выше "Воспоминания о 1826 г.", извлечения из "Материалов для истории современных войн" и неоконченные "Мысли при известии о неудачном предприятии на Константину Французских войск" (две последних статьи появились в издании 1860 г. впервые) — всего ш е с т н а д ц а т ь статей.

Статьи Давыдова в издании 1860 г. печатались с проверкой первопечатных текстов по рукописям, что дало возможность издателю дополнить их рядом новых страниц, а в иных случаях и вариантами. "Дневник партизанских действий 1812 года" был напечатан в сопровождении ценных документов, извлеченных из архивного фонда официальной переписки Дениса Давыдова за 1812—1814 гг. Но, с другой стороны, издатель внес в прозаические тексты Давыдова много отсебятины. Сохранившиеся в архиве Давыдова рукописи носят на себе следы кардинальнейшей редакционной правки. Д. Д. Давыдов не только "выправлял" слог своего отца (ничуть не уступая в своем рвении О. И. Сенковскому), но в иных случаях и совершенно наново перекраивал самый текст. выбрасывая из него целые страницы, или же вписывая собственные рассуждения. В таком сугубо фальсифицированном виде статьи Давыдова перепечатаны и в последнем издании его сочинений (1893 г.); таким образом читатель, желающий ознакомиться с прозой Давыдова, знакомится в сущности с литературными упражнениями его сына.

В третий том издания 1860 г. вошли: "Стихотворения", "Известия о жизни Д. В. Давыдова" (компиляция, составленная издателем), "Автобиография" Дениса Давыдова и обширные "Приложения", распадающиеся на два раздела: 1) документальные материалы для биографии Давыдова (рескрипты, аттестаты, дипломы и проч. на имя Давыдова, письма Давыдова и к Давыдову) и 2) стихотворения разных авторов и выдержки из некоторых русских и французских изданий, посвященные Давыдову.

Отдел стихотворений в издании 1860 г. был пополнен сравнительно с изданием 1840 г. и ятью мелкими пьесами (эпиграмма "А кто он?—Француз, Германец", "Эпитафия", "Генералам, танцующим на бале", "Что пользы мне в твоем совете" и элегия "В ужасах войны кровавой", появившаяся еще в 1821 г. в газете "Рецензент", но не вошедшая ни в сборник 1832 г., ни в "Сочинения" 1840 г.); всего в издании 1860 г. было собрано ш е стъде с ят с е м ь стихотворений, расположенных в том же произвольном порядке, как и в издании 1840 г. (новые пять пьес прибавлены в самом конце). Для характеристики редакторской работы Д. Д. Давыдова достаточно будет указать, что он ограничился при составлении полного собрания сочинений своего отца только перепечаткою издания 1840 г., не в аглянув даже в "Стихотворения" 1832 г., почему в его издание и не вошли помещенные там две пьесы ("Моя песня" и "В альбом"), исключенные самим Давыдовым из "Сочинений" 1840 г. Что же касается новых стихотворений, то издатель также ограничился почему-то включением только пяти пьес, хотя в архиве Давыдова неизданных стихотворных текстов имелось значительно больше (см. ниже).

Большую ценность имеет в издании 1860 г. отдел "Приложения", где впервые были собраны некоторые письма Давыдова (о переписке Давыдова см. в следующей главе), а также аттестат, выданный Давыдову А. П. Ермоловым, официальное письмо А. А. Прокоповича-Антонского (1816) с извещением о избрании Давыдова в члены Общества любителей российской словесности, одно письмо к Давыдову В. А. Жуковского (1829) и отрывок из письма А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву (1825) с упоминанием о Давыдове. Вторую часть "Приложений" составляют стихотворения, посвященные Давыдову поэтами-его современниками. Здесь приведены стихи Пушкина, Языкова, Вяземского, гр. Ф. И. Толстого - "Американца", Жуковского, Баратынского, Ефима Зайцевского, Воейкова, Ф. Глинки, С. Стромилова, Ростопчиной и французское четверостишие Арно. Стихи эти (за исключением стихотворения Ростопчиной "Одним меньше", написанного на смерть Давыдова) были взяты из тетради, куда Денис Давыдов тщательно переписывал все отзывы о себе в стихах и прозе (см. ниже). Первое (1833) послание Языкова ("Давным давно люблю я страстно"), первый вариант эпилога "Эды" Баратынского, стихи Ф. Толстого и С. Стромилова на страницах издания 1860 г. впервые увидели свет. Здесь же перепечатаны (из "С.-Петербургской газеты" 1831 г., "Journal des Débats", "Истории Наполеона" Вальтер Скотта, "Историн 1812 года" Батурлина, "Révue Encyclopédique" и др. изданий) отзывы о Давыдове, его военной и литературной деятельности. Издание 1860 г. было иллюстрировано портретами Давыдова и факсимильным воспроизведением стихотворного его автографа.

ния его были изданы в "Дешевой Библиотеке" А. С. Суворина (издание это было повторено в 1893 г.). Ничего нового сравнительно с предыдущими это издание не дает, за исключением одного только стихотворения— сатирической песни о фельдмаршале гр. И.И. Дибиче ("Хватай, собака, голодный пес"), впервые появившейся в "Русском Архиве" 1866 г. (в статье Давыдова "Воспоминание о польской войне 1831 г.") В 1892 г. издательством Евг. Евдокимова, в серии ежемесячных приложений к журналу "Север", было предпринято шестое по счету и первое научно-популярное издание: "Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Со статьей о литератур'ной деятельности Д. В. Давыдова и примечаниями составленными А. О. Круглым" (СПБ., 1893, тт. I—II—III; встречаются эквемпляры с маркой издательства Я. Соколова, помеченные 1895 г.). Издание это до

В 1889 г., по случаю пятидесятилетия со дня смерти Дениса Давыдова, стихотворе-

Положив в основу своего издания текст "Сочинений" 1850 г., А. О. Круглый следующим образом определил его состав: "Все когда-либо появлявшиеся в печати стихотворения Давыдова, в том числе двенадцать пьес, не включавшихся ни в одно из прежних изданий; все его прозаические статьи, кроме чисто специального по содержанию "Опыта теории партизанских действий", и все его письма, имеющие литературный интерес" (см. предисловие в т. І, стр. XIII). Кроме того в издание включены были "Автобиография" Давыдова и извлеченная из рукописного собрания Государственной Публичной Библиотеки (в Ленинграде) речь, произнесенная Давыдовым в Арзамасском обществе.

сих пор пользуется репутацией лучшего и наиболее полного и чаще других встреча-

ется на книжном рынке.

Уже из приведенной цитаты явствует, что издание 1893 г. не дает текста всех сочинений Давыдова и потому не может быть названо полным. Исключив из собрания "Опыт теории партизанского действия" и ограничившись перепечаткой тех только писем Давыдова, которые "имеют литературный интерес", А. О. Круглый тем самым обрек на забвение много ценных материалов, в том числе замечательные письма Давыдова к А. А. Закревскому (напечатанные в 1890 г. в "Сборнике русского исторического общества"), являющиеся одним из главных источников для биографии Дениса Давыдова. Но и помимо того А. О. Круглый не до конца исчерпал весь фонд собственно литературных произведений Давыдова, опубликованных в печати до 1892 г., и не имел доступа к архиву Давыдова.

Сравнительно с прежними изданиями, "Сочинения" 1893 г. были дополнены двенадцатью стихотворениями (в том числе одним неизданным): "Голова и ноги" (впервые напечатано в "Русской Старине" 1872 г., т. V), "Река и веркало" (впервые на-

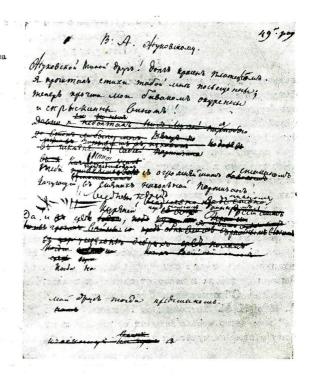
печ. в "Русском Вестнике" 1869 г., т. 84, чего не знал А. О. Круглый), "Возврату твоему с похода всяк дивится" (взято А. О. Круглым из "Сочинений" П. А. Вяземского, т. VIII), "К Е. Ф. С —ну" (впервые напеч. в альманахе "Сириус" 1826 г.), "Элегия" ("Пусть бога-мстители могучая рука"—впервые напеч. в "Амфионе" 1815 г.), "Утро" (впервые напеч. в "Трудах Общества любителей российской словесности" 1816 г.), "Ответ на вызов написать стихи" (впервые напеч. в альманахе "Северная Звезда" 1829 г.), "Вода мне вовсе не вкусна" (взято А. О. Круглым из "Чтений в Московском Обществе истории и древностей российских 1874 г.), "При виде Москвы, по возвращении из персидского похода" (напечатано А. О. Круглым с рукописи, без указания источника), "О кто, скажи ты мне, кто ты" (впервые напеч. в "Историческом Вестнике" 1883 г.), "Унеслись невозвратимые" (впервые напеч. там же в 1890 г.) и "Как будто Диоген с зажженым фонарем" (впервые напеч. в "Древней и новой России" 1876 г.). Из появившихся в печати до 1892 г. стихотворений Давыдова А. О. Круглому остались неизвестны: 1) "Гераков! прочитал твое я сочиненье" (в книге Гавриила Геракова "Продолжение путевых записок по многим российским губерниям", Петроград, 1830) и 2) "Богомолка" (в сборнике Н. П. Огарева "Русская потаенная литература XIX столетия", ч. I, London, 1861).

В издании 1893 г. стихотворения Давыдова расположены в хронологическом порядке, но в большинстве случаев принятые редактором датировки совершенно произвольны. Так например, стихотворение "Герою битв, биваков, трактиров и б....." отнесено А. О. Круглым к 1804 г., тогда как известно, что оно не могло быть написано раньше 1821 г. Тексты подготовлены А. О. Круглым крайне небрежно. Стихотворение "С. А. Кушкиной" ("Вы личиком—Пафосский бог") попрежнему приведено без трех последних строк, хотя редактор и ссылается при этом на издание 1832 г., где оно напечатано полностью. Как правило, не сохранены особенности правописания Давыдова, не восстановлены данные самим автором и измененные в посмертных изданиях заглавия и подзаголовки пьес, сохранены опечатки прежних изданий (и прибавлены новые, нередко искажающие самый смысл стихотворения) и проч.

Кроме всех указанных дефектов в издании 1893 г. имеется еще один, весьма существенный: из двенадцати "новых" стихотворений Давыдова, напечатанных А. О. Круглым, два не принадлежат Давы дову, а именно: 1) двустишие "Возврату твоему с похода всяк дивится" и 2) четверостишие "Вода мне вовсе не вкусна". Первое из них редактор включил в собрание на основании поздней записи П. А. Вяземского: "Денис Давыдов в молодости своей сказал о ком-то: "Возврату твоему..." и т. д. 22 Между тем эпиграмма эта направлена против великого князя Константина Павловича и имеет в виду его бесславное возвращение из итальянского похода 1799, г. (в несколько иной редакции и под заглавием: "На возвращение К... П... из Италии" она сохранилась между прочим в бумагах Давыдова среди других сатирических стихотворений эпохи 800-х гг., из которых ни одно Давыдову не принадлежит). В 1799 г. Давыдову было пятнадцать лет и никаких его стихотворений этой поры, кроме отрывка из совершенно безграмотного перевода с французского, не сохранилось. Вероятнее всего, что Давыдов прочел Вяземскому чужую эпиграмму, а тот принял ее за собственное его сочинение. Второе четверостишие приписано А. О. Круглым Давыдову на основании следующего свидетельства в "Записках" Ф. Н. Винницкого: "Всего забавнее его [Давыдова.-B. O.] слова... сказанные, когда он пил воду [на кавказских минеральных водах в мае 1827 г., а не в 1826 г., как пишет Винницкий.—В. О.]... При этом вырвалось с языка его без приготовления четверостишие:

> "Вода мне вовсе не вкусна, А есть напиток благородной, Слиянье рома и вина, Без примеси воды негодной!" ²³

Совершенно очевидно, что Давыдов в данном случае процитировал по памяти (и потому не вполне точно) известные ему стихи Пушкина из послания к Н. М. Языкову (1826 г.). АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ
ДЕНИСА ДАВЫДОВА
«В. А. ЖУКОВСКОМУ»
Ленинградское отделение Центрархива

Стихотворения Давыдова в издании 1893 г. редактор сопроводил краткими примечаниями, исключительно, впрочем, био-библиографического характера. Примечания эти более чем лапидарны и зачастую содержат фактически неверные указания, непроверенные даты и т. д.

За сорок лет, прошедших со времени издания под редакцией А. О. Круглого, было опубликовано сравнительно не много новых текстов Дениса Давыдова. Центральное место в этих публикациях занимают письма, о которых мы еще скажем несколько слов ниже. Из литературных же произведений Давыдова появились только следующее: 1) проект эпитафии кн. П. И. Багратиону (в "Русском Инвалиде" 1912 г., № 200), 2) эпиграмма "К портрету Бонапарте" (без последнего стиха—в "Столице и усадьбе" 1915, № 42) и 3) небольшое произведение в прозе (по-французски) "Поэтическая характеристика Екатерины Николаевны Раевской" (в "Русском Библиофиле" 1916, № 4). В "Голосе Минувшего" 1917 г. (№ 5—6, стр. 36—46) появились "Воспоминания Д. В. Давыдова о великом князе Константине Павловиче", известные уже издавна по публикации П. В. Долгорукова—"Записки Д. В. Давыдова, в России цензурою непропущенные". Londres-Bruxelles, 1863. Кроме того в 1906 г. ("Былое", № 7) была напечатана (с испорченного списка) приписывающаяся перу Давыдова басня "Орлица, Турухтан и Тетерев".

В самое последнее время фонд сочинений Дениса Давыдова пополнился его ранним (1803) сатирическим стихотворением "Сон", найденным в копии среди бумаг лицейского товарища Пушкина кн. А. М. Горчакова (ныне в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи). Стихотворение это, представляющее значительный интерес, было впервые опубликовано мною в "Полном собрании стихотворений Дениса Давыдова" ("Библиотека поэта" 1933) по списку, любезно сообщенному Т. Г. Зенгер.

Укажем заодно, что в "Русском Обозрении" 1897 г. (№ 2) Н. И. Черняевым без достаточных оснований Давыдову было приписано известное стихотворение П. А. Вяземского "Сравнение Петербурга с Москвой" ²⁴, а в "Докладах и отчетах" Русского библиологического общества 1913 г. (новая серия, вып. II, стр. 33) Дилакторским — уже без всяких оснований—длинное стихотворение "Забытый год".

Открытым до сих пор остается вопрос о принадлежности Давыдову эпиграммы:

Рука всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Повту ход дала
И Полевого удушила

имеющей в виду запрещение журнала Н. А. Полевого "Московский Телеграф" за неблагожелательный отзыв о патриотической драме Н. В. Кукольника "Рука всевышнего отечество спасла" (1834). Эпиграмма эта впервые была напечатана в "Биржевых Ведомостях" 1869 г. (№ 298, 2 ноября) с подписью Пушкина (там же Пушкину была приписана другая эпиграмма на Н. А. Полевого—"Журнала нового издатель", принадлежащая перу А. И. Писарева). М. П. Погодин писал П. А. Вяземскому 4 ноября 1869 г: "Что наврано в Биржевых Ведомостях о Пушкине и его эпиграммах, которые принадлежат вовсе не ему! Пишу заметку. Первая эпиграмма принадлежит [М. А.] Дмитриеву или Писареву, а вторая [т. е. "Рука всевышнего".—В. О.] вам или Давыдову? Черкните мне два слова. Помнится мне, кто-то сказал, вы или Давыдов, выходя из театра после представления "Руки всевышнего": кто сильный устоит противу сей Десницы? Чуть ли из этого не составилась тогда еще эпиграмма"25. Ответа Вяземского мы не знаем, но повидимому он отрекся от авторства эпиграммы, и Погодин в своей заметке приписывает ее уже одному Давыдову: "Кажется, Д. В. Давыдов подал к ней мысль. Выходя из театра и зевая от скуки, он сказал: Кто сильный устоит противу сей десницы?"26 Об отношении Давыдова к драме Кукольника свидетельствует письмо его к А. М. и Н. М. Языковым от 16 июня 1834 г.: "Все, что могу сказать, это то, что "Рука" мне часто чесала затылок от досады и много не шевелила моего сердца. Это акафист с полным чувством любви к отечеству и иногда с хорошими стихами"27.

ІІ. ПЕРЕПИСКА ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Денис Давыдов вел обширную переписку. В печати до настоящего времени появилось около двух с от пяти десяти его писем (кроме того около двух сот неизданных писем хранится в различных архивных собраниях). И тем не менее нам известна только незначительная часть давыдовской переписки. До нас не дошло множество писем Давыдова и его корреспондентов, о существовании которых мы располагаем вполне точными сведениями (см. ниже). Впрочем возможно, что в этой области предстоят еще новые находки. Письма Давыдова не только не собраны до настоящего времени воедино, но даже и не учтены целиком в специальных библиографических пособиях. Рассыпанные по различным малодоступным изданиям и нигде не зарегистрированные, многие из них остались неизвестны даже биографам Давыдова и редакторам его сочинений.

Два письма Давыдова появились в печати еще при его жизни. В 1816 г. Давыдов был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете (письмо председателя общества А. А. Прокоповича-Антонского от 26 мая 1816 г. при посылке Давыдову диплома было опубликовано в "Сочинениях" 1860 г., т. III, стр. 137; оригинал письма и самый диплом сохранились в архиве Давыдова). Давыдов ответил А. А. Прокоповичу-Антонскому благодарственным письмом от 5 января 1817 г. (из Кнева), напечатанным в "Трудах Общества любителей российской словесности", ч. VIII. Летописи общества. Год II. М., 1817, стр. 144. Письмо это до настоящего времени не поступило еще в научную эксплоатацию и потому имеет смысл привести его целиком:

"Милостивый Государь Антон Антоновичь!

Проводя жизнь мою в трудах военных и занимаясь, так сказать, почти на коне отечественною Словесностию, я никогда не ожидал, Милостивый Государь, достигнуть той чести, которую возведением в Члены почтенного Вашего Сословия вы мне ныне определяете; но принимая с живейшею благодарностию Диплом, вами ко мне, Милостивый Государь, доставленный, я не ослепляюсь еще до такой степени, чтобы не зреть все неравенство моего дарования в сравнении дарований тех ученых Особ, с коими я призываюсь ныне собеседовать, а в торжестве моем единственно благосклонность Обще-

ства столь отличного по всем отношениям. Счастливым почту себя, когда прилежанием котя отчасти ваменю недостаток моих способностей и оправдаю выбор лестнейший для моего самолюбия.

Честь имею быть с совершенным почтением, Милостивый Государь, ваш покорнейший слуга Денис Давыдов".

Второе из появившихся при жизни Давыдова писем адресовано было издателю газеты "Русский Инвалид" А. Ф. В оейкову и содержит в себе рассказ о "партизанском действии русских войск в 1812 году" в дополнение и опровержение данных, сообщенных в "Русском Инвалиде". Письмо это было напечатано самим Воейковым в "Русском Инвалиде" 1829 г., № 274 (вошло в издание 1893 г., т. III, стр. 170 – 172).

В первые двадцать лет после смерти Дениса Давыдова эпистолярное наследие его оставалось под спудом, если не считать нескольких случайных публикаций. Так, в "Москвитянине" 1841 г., т. III, стр. 118 появилось письмо к доктору М. А. Маркусу (1830) там же, 1850 г., т. IV, етр. 78—80 письмо к гр. Д.И.Хвостову (1835)—оба из рукописного собрания М. П. Погодина. В 1854 г. в III томе сборника "Раут" (стр. 313—314). издававшегося Н. В. Сушковым, появилось письмо Давыдова к М. Н. Загоски ну (1830) и наконец в "Библиографических Записках" 1858 г. (т. І, № 7, стр. 193—197 и № 18, стр. 552—553) сыном Давыдова Денисом Денисовичем были сообщены четыре письма: Н. М. Языкову (1835), П. Д. Киселеву (1824) и два А.И.Якубовичу (1824 и 1825). Письма эти были перепечатаны в издании 1860 г. В том же томе "Библиографических Записок" на стр. 248 было напечатано следующее обращение "От Д. Давыдова":

"Приступая к полному изданию сочинений покойного отца моего Д. В. Давыдова, значительно исправленных автором незадолго до своей кончины, я имею в виду собрать по возможности в одно целое все вышедшее из под его пера. Зная общирные его связи и значительную переписку, веденную им со многими лицами, я имею честь покорнейше просить всех, владеющих автографами моего отца и списками с неизданных его сочинений, сообщить мне точные с них копии..."

На призыв Д. Д. Давыдова откликнулись немногие из владевших письмами партизана: П. А. Вяземский, семейство Н. М. Языкова и М. А. Максимович. При этом П. А. Вяземский сообщил письма Давыдова, адресованные не ему лично, а А. С. Пушкину (повидимому письма эти взяты были Вяземским из квартиры Пушкина после его смерти). 9 нюля 1858 г. Вяземский отметил в своей записной книжке: "Писал и послал Д. Д. Давыдову десять писем отца его к Пушкину. Отправил с Дмитрием Оболенским 228.

Всего в "Сочинениях" 1860 г. появилось тридцать два письма Дениса Давыдова: десять к А. С. Пушкину, два к А. И. Якубовичу, одно к И. И. Дибичу,
одно к А. А. Аракчееву, восемь к Н. М. и А. М. Языковым, одно к П. Д. Киселеву, четыре к сыну Василию Денисовичу, одно к М. А. Максимовичу, одно к И. Г. Салаеву и одно к к[нязю] П. Д. [Горчакову]. Письма к Языковым, Киселеву, сыну Василию, Салаеву и Горчакову были опубликованы в отрывках.

Вольное обращение Д. Д. Давыдова с текстами сочинений его отца распространялось и на письма: в издании 1860 г. они напечатаны котя и с чодлинников, но крайне небрежно, с чудовищными ошибками и купюрами. Особенно не повезло в этом отношении письмам Давыдова к Пушкину, где издатель самым варварским образом "выправил" слог партизана и выбросил все, что почему-либо полагал неудобным для опубликования. В таком изуродованном виде письма Давыдова к Пушкину перепечатаны в издании 1893 г. и в академическом издании "Переписки Пушкина" (см. ниже).

Дальнейшие публикации писем Давыдова располагаются в следующем порядке. В "Библиографических Записках" 1861 г. (т. III, № 18, стр. 552—555) появилось письмо к М. Н. Загоскину (1830) с подробной характеристикой партизана А. С. Фигнера (перепечатано в "Русской Старине" 1877 г., т. ХХ, стр. 696—699). В "Русском Архиве" 1866 г. П. А. Вяземский опубликовал три письма Давыдова к себе 1815 г. (стбц. 895—898), сопроводив их обстоятельным комментарием (стбц. 898—903); там же (стбц. 904—916) старший сын Давыдова Василий Денисович напечатал письма своего отца к В. Ф.

Адаербергу (1826), А. А. Закревскому (1827) и А. П. Ермолову (1839) по черновым отпускам, сохранившимся в семейном архиве. В "Русском Архиве" 1868 г. (стбц. 975) появилось письмо к В. А. Жуковском у (1831); в "Русской Старине" 1870 г. (т. Ц. № 9, стр. 306—307)—письмо к П. П. Коновницыну (1821); в "Русском Архиве" 1871 г. (стбц. 0187—0188)—письмо к В. А. Жуковскому (1836). В ,,Русской Старине" 1872 г. В. Д. Давыдовым были напечатаны письма к Александру I (1814), А. Д. Ольшевскому (1816), А. И. Чернышеву (1831) и К. Ф Толю (1831)—см. т. V, стр. 633—636 и т. VI, стр. 403—405 (ср. ibid., стр. 402—403). В "Русской Старине" 1873 г. (т. VIII, стр. 419) появилось письмо к известному актеру И. И. Сосницкому (1823), а в "Русском Архиве" 1879 г. (т. II, № 7, стр. 333— 335)—большое письмо к Н. Н. Раевскому, содержащее подробный отчет о турецкой кампании 1810 г.; письмо Это-самое раннее из всех дошедших до нас писем Давыдова, оно вомечено: "Лагерь при Рущуке. 14/24 Июля 1810 г." В книге А. П. Заблоцкого-Десятовского "Граф П. Д. Киселев и его время", СПБ., 1882 (т. І, стр. 362—363) и в "Русской Старине" 1887 г. (т. 55, стр. 228—231) приведены от; рывки из чрезвычайно важных для биографии Давыдова писем к П. Д. Киселеву (1819). В "Русской Старине" 1884 г. (№ 7, стр. 131—148) было напечатано двенадцать писем Давыдова к братьям Н. М. и А. М. Языковым (1833—1836), выдержки из которых появились еще в "Сочинениях" 1860 г. Там же в 1888 г. (т. 60, стр. 166-167, 328-329, 331—332, 596—597) В. Е. Якушкиным было сообщено два письма к А. А. Бестужеву (1822—1824) и четыре письма к А. И. Якубовичу (1824—1825), при чем одно из писем к Якубовичу (от 3 января 1824 г.) было уже напечатано прежде (в "Библиографических Записках" 1858 г.), но с черновика, во многом отличающегося от белового текста. В следующем 1889 г. в "Русской Старине" (т. 61, стр. 584) появилось одно письмо к Н. Н. Похвисневу. В "Историческом Вестнике" 1890 г. (т. 41, стр. 86—91), в статье А. А. Осипова, приведены отрывки из французских писем Давыдова к Е. Д. Золотаре вой, предмету его последнего сердечного увлечевия (1833—1836). В "Сборнике русского исторического общества" 1890 г., т. 73 (стр. 508— 563) было опубликовано пятьдесят два письма Давыдова к А. А. Закревскому (1815—1831) и одно письмо к К. Ф. Толю (1819); там же на стр. 552—553; см. официальный аттестат, выданный Давыдову гр. И. Ф. Паскевичем в 1827 г. В "Русской Старине" 1891 г. (т. 71, стр. 369—381) В. Н. Поливановым было напечатано четырнадцать писем Давыдова к А. В. Бестужеву и одно письмо к К. А. Копишу (1834—1836); оба адресата—симбирские помещики, соседи и приятели Давыдова; письма посвящены преимущественно хозяйственным вопросам. В 1893 г. в "Русской Старине" (т.77, стр. 253—256) появилось три письма к А.И. Михайловскому-Даниловскому (1835). В III томе издания 1893 г. под ред. А. О. Круглого было собрано шесть десят одно письмо Дениса Давыдова. Как уже сказано выше, А. О. Круглый не включил в свое издание письма, не имеющие, с его точки зрения, "литературного интереса", а именно: письма к А. А. Закревскому и К. Ф. Толю, отрывки из писем к В. Д. Давыдову, Е. Д. Золотаревой и П. Д. Киселеву, а также всю официальную переписку Давыдова. В остальном он ограничился перепечаткой вышеуказанных писем, за исключением одного письма к А. А. Прокоповичу-Антонскому и пятнадцати писем к А. В. Бестужеву и К. А. Копишу, оставшихся очевидно ему неизвестными. Совершенно непонятным остается, почему А. О. Круглый не включил в свое издание одно письмо к А. И. Якубовичу и одно письмо к А. А. Бестужеву, имеющие несомненный "литературный интерес" и опубликованные в "Русской Старине" 1888 г. вместе с другими письмами Давыдова, перепечатанными в "Сочинениях" 1893 г. Такая поразительная небрежность лишний раз характеризует редакторские приемы А. О. Круглого. Впрочем изъян втот "компенсировался" публикацией трех новых писем: к гр. Ф. И. Толстому-"Американцу" (1834 или 1835), А. И. Михайловскому-Данилевском у (1836) и В. Ф. Одоевском у (1824); первое из них было сообщено А.О. Круглому Л. Н. Майковым, второе---Н. К. Шильдером, а третье было извлечено из рукописного собрания Публичной Библиотеки.

После 1893 г. в печати появились следующие письма Давыдова: одно письмо к мос-

ковскому жандармскому генералу А. А. Волкову (1830) с жалобою на секретного агента III Отделения Я. И. де Санглена, посетившего Давыдова с целью "узнания образа его мыслей" (в "Русской Старине" 1896, т. 86, № 6, стр. 561; по этому поводу возникла длинная ведомственная переписка,—см. lbid.); одно письмо к Ф. Ф. Ш уберту (автограф — в архиве Академии Наук СССР), одиннадцать писем к Н. А. Муханову, двенадцать писем к А. А. Наумову и десять писем к А. А. Закревскому (1829—1831), не вошедших в "Сборник Русского исторического общества" (все-в "Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина", ч. IX, 1901, стр. 198, 318—348); одно письмо к П. А. Вяземскому от 8 января 1830 г. (Ibid. ч. Х, 1902, стр. 433—без указания адресата); одно письмо к И. В. Васильчикову от 12 декабря 1812 г. (в "Русской Старине" 1902, т. III, № 8, стр. 366); два письма к В. А. Жуковскому от 20 ноября и 27 декабря 1829 г. (Ibid., 1903, т. 115, стр. 446-448); три письма к А. С. Пушкину от 2 июня, 10 августа и 13 ноября 1836 г. (в книге И. А. Шляпкина "Из неизданных бумаг А. С. Пушкина", 1903, стр. 236—237, 267—269 и 286; письма эти не были в руках П. А. Вяземского); отрывок из еще одного письма к А. С. Пушкину, 1827 г. (в академическом издании "Переписки Пушкина" под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 43-44); четыре письма к Н. Н. Похвисневу (1826); пять писем к Н. И. Похвисневу (1826—1831); два письма к А. П. Ермолову (1826—1827) и одно письмо к И. И. Дибичу (1826), в первоначальной редакции опубликованное еще в "Сочинениях" 1860 г. (все-в "Щукинском сборнике", вып. IX, 1910, стр. 322—328); одно письмо к И. В. Васильчикову от 22 декабря 1812 г. (фототипически воспроизведено в "Актах, изданных Виленскою комиссиею для разбора древних актов", т. XXXVII), Вильна, 1912 и наконец трид<u>п</u>ать семь писем к П. А. Вяземскому 1811—1837 гг. (в "Старине и Новизне", т. XXII, 1917, стр. 18—74; три письма из помещенных здесь были опубликованы еще в "Рус-

ДЕНИС ДАВЫДОВ
Карандашный эскиз к портрету
О. Кипренского
Русский Музей, Ленинград

ском Архиве" 1866 г.; одно письмо, напечатанное в "Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина", ч. Х, сюда не вошло).

Письма корреспондентов Дениса Давыдова сохранились в ничтожном количестве. Из печатных публикаций нам известны только: одно письмо В. А. Жуковского 1829 г. (впервые в "Библиографических Записках", т. І, 1858, № 7, стбц. 197); одно письмо А. А. Прокоповича-Антонского 1816 г. (в "Сочинениях" 1860 г., т. III, стр. 137); три письма А. П. Ермолова 1819, 1820 и 1821 гг. (в "Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете" 1862, кн. IV. Смесь, стр. 223-228; ср. "Русский Вестник" 1863, т. 49, стр. 314-316, 322-323 и 336); одно письмо В. А. Перовского 1836 г. (в "Русском Архиве" 1879, кн. II, стр. 469—без указания адресата); черновые наброски двух писем А. С. Пушкина 1836 г. (в "Русском Архиве" 1880, кн. III, стр. 228; ср. академическое издание "Перециски Пушкина", т. III, стр. 326 и 355—356) и восемь писем А. А. Закревского 1829—1831 гг. (в книге Н. П. Барсукова "Рукописи археографической комиссии", 1882, стр. 48 и в "Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина", ч. IX, 1901, стр. 333-335, 337, 340-341, 343, 347 и 348). Здесь не учитывается нами официальная переписка Давыдова, частично опубликованная в его "Сочинениях" изд. 1860 г. и в книге В. В. Жерве "Партизан-поэт Д. В. Давыдов", 1913.

ІІІ. РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Богатое рукописное наследие Дениса Давыдова, сосредоточенное преимущественно в его личном архиве, еще ждет своего исследователя и публикатора. Судьба давыдовского архива довольно любопытна. Как известно, Давыдов чрезвычайно ревниво относился к собственной славе и сам много трудился для ее упрочения: "Смотрите же, чур не вабыть меня после жизни моей,—писал Давыдов Н. М. Языкову.—Я уже некогда говорил о том Вяземскому, Пушкину и Боратынскому, говорю и вам о том же: напишите тогда общими силами некрологию мою и произведите в свет не пролетный листок для Воейковского "Инвалида", а что-нибудь такое, которое бы осталось надолго. Шутки в сторону и не в похвалу себе сказать, а я этого стою: не как воин и поэт исключительно, но как один из самых поэтических лиц русской армии. Непристойно о себе так говорить, но это правда" 29. Естественно, что при столь заботливых напоминаниях о собственной некрологии Давыдов крайне бережно относился ко всякого рода документам, касающимся его военной и литературной деятельности. Он не уничтожал, подобно другим русским писателям, свои черновые тетради, свою корреспонденцию, а наоборот, хранил их в полном порядке, сберегая для потомства даже столь второстепенные материалы, как служебные рапорты своих "подкомандующих". К сожалению позже бумаги Давыдова попали в менее бережливые руки.

После смерти Дениса Давыдова бумаги его были переданы вдовой его П. А. Вяземскому "для пересмотра" и через несколько лет возвращены Вяземским старшему сыну Давыдова Василию Денисовичу 33. Весьма возможно, что Вяземский оставил у себя часть переданных ему бумаг; следовало бы поискать их в общирном Остафьевском архиве князей Вяземских, до настоящего времени не разобранном.

Как уже сказано было выше, еще в 1858 г. третий сын Давыдова Денис Денисович, издатель "Сочинений" 1860 г., обратился через печать ко всем имеющим автографы его отца с просьбою сообщить с них "точные копии". Кое-какие документы были ему присланы, в частности письма Давыдова к Пушкину (от Вяземского). Впоследствии заботы об архиве взял на себя старший сын Давыдова Василий Денисович, который в конце 70-х годов начал "собирать в один сундук все относившееся к личности его отца, из семейных бумаг и библиотек, как он сам говорил, до поры до времени". После смерти В. Д. Давыдова в 80-х годах дело продолжал сын его Денис Васильевич, скончавшийся в 1897 г. Вдова Д. В. Давыдова (2-го) Софья Петровна передала все собранные материалы двоюродному брату покойного мужа Петру Николаевичу Давыдову—предводителю дворянства Хвалынского уезда, Саратовской губернии. В 900-х го-

дах архив находился в саратовском поместьи П. Н. Давыдова—с. Благодатном и эдесь в 1904 г. по просъбе владельца был приведен в надлежащий порядок и описан членом - сотрудником петербургского Археодогического института М. А. Труновой (опись, составленная ею, не сохранидась, о чем нельзя не пожалеть, так как в ней были учтены многие ценные документы, впоследствии из архива кем-то изъятые). Еще до разбора и описания архива в 1901 г. П. Н. Давыдов предполагал приступить к его изданию, но почему-то отказался от своего проекта. После составления описи М. А. Труновой П. Н. Давыдову удалось получить еще новые материалы, в частности "разные письма" Дениса Давыдова (какие именно-нам неизвестно). Зимой 1907/08 г. П. Н. Давыдов вторично собирался приступить к изданию архива, но вскоре умер, а архив перешел во владение к его вдове Дарье Николаевне, которая в 1910 г. и предоставила архив (но повидимому не целиком, о чем см. ниже) в распоряжение Русского военноисторического общества с просьбой составить и издать подробную биографию Дениса Давыдова ³¹. В 1912 г., в связи со столетней годовщиной "Отечественной" войны, Военно-историческое общество поручило составление биографии своему сочлену В. В. Жерве и открыло ему для этой цели доступ к материалам давыдовского архива.

После революции архив долгое время кочевал по различным учреждениям и архивотранилищам, что разумеется не могло не отразиться на его сохранности, и ныне находится в Военном отделе Ленинградского отделения Центрального исторического архива (фонд № 717).

До нас архив Давыдова дошел к сожалению далеко не в полной сохранности: утрачен целый ряд ценнейших документов, в частности все письма литературных корреспоидентов Давыдова. Совершенно точно известно, что с Давыдовым вели оживлениую переписку А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Н. М. Я. Я. В. Куковский, А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев, М. Н. Загоскин; есть основания предполагать, что писали ему К. Ф. Рылеев, А. Ф. Воейков, В. Л. Пушкин и многие другие литераторы. Между тем ни одного письма перечисленных иц в архиве Давыдова не обнаружено. Не имеется также и писем от П. Д. Киселева, А. А. Закревского, А. И. Якубовича, П. Д. Горчакова, Н. И. и Н. Н. Похвисневых, А. М. Каховского, А. П. Ермодова, Н. А. Муханова, А. В Бестужева, Г. А Римского-Корсакова, М. Ф. Орлова, Д. Н. Бегичева, Е. Д. Золотаревой и других лиц, несомненно писавших Давыдову часто и много. Не найдено в архиве и писем Вальтер Скотта, о которых сообщает сам Давыдов (в статье "Переписка с Вальтер Скоттом"). Письма Давыдова к Вальтер Скотту также неизвестны, за исключением одного, неотправленчого за смертью адресата и переработанного в указанную статью. Весьма возможно, что они сохранились в Англии среди бумаг Вальтер Скотта. Не сохранилась целиком также и семейная переписка Давыдова (нет ни одного письма жены и сыновей, писем же самого Дениса Васильевича к жене и сыновьям уцеледо, по нашим догадкам, не больше половины).

Нужно думать, что все эти письма были изъяты из архива еще до передачи его в Военно-историческое общество. Во всяком случае В. В. Жерве, просматривавший архив в 1911-1912 гг., уже их не видел. В то же время трудно предположить, чтобы такие первоклассные материалы, как хотя бы письма Пушкина, Вальтер Скотта, Ермолова и др., были уничтожены или утеряны, тогда как в архиве в идеальном порядке сохранилось множество документов, не имеющих никакой исторической ценности. Именво то обстоятельство, что до нас дошел полностью военно-исторический отдел архива, заставляет предположить, что весь литературный его отдел (за очень немногими исключениями) был удержан потомками Давыдова в своем владении как наиболее ценная часть собрания. Что касается писем Пушкина, то известно, что еще в 1906 г. они хранились в составе архива. Об этом печатно сообщал сам владелец его П. Н. Давыдов, обещавший предоставить пушкинские автографы в распоряжение академической комиссии, подготовлявшей издание сочинений и переписки Пушкина 32. По самым скромным подсчетам в архиве Давыдова хранилось до десяти неизданных писем Пушкина (также много десятков писем Вяземского, Языкова, Баратынского и др.). Где они в настоящее время—неизвестно.

предпринятые нами розыски пока не увенчались успехом. Может быть их следует искать в симбирских и саратовских архивохранилищах среди бумаг П. Н. Давыдова, если только бумаги эти не погибли в первые годы революции в давыдовских поместьях, расположенных в Симбирской и Саратовской губерниях.

Кроме того из архива исчезло восемь (или девять) тетрадей с материалами по истории русско-польской войны 1831 г. Эта пропажа относится уже к послереволюционным годам, ибо в 1911—1912 гг. указанными материалами пользовался В. В. Жерве.

В настоящее время архив Дениса Давыдова состоит из шестидесяти одной единицы хранения (тетради, переплеты, связки). Не имея возможности в данной статье представить хотя бы сжатый обзор всех материалов архива, ограничимся самым кратким перечнем его содержания, остановившись более подробно на новооткрытых литературных и эпистолярных текстах Давыдова.

Большинство тетрадей, переплетов и связок архива занято материалами, имеющими крупное значение для русской военной истории 1810—1830 гг. Сюда, во-первых, относятся многочисленные документы, связанные с участием Давыдова в кампаниях 1812—1814, 1826—1827 и 1831 гг., и, во-вторых, автографы и авторизованные списки почти всех (в том числе и неизданных) военно-исторических и мемуарных сочинений Давыдова. К этой же группе примыкают собранные Давыдовым материалы для биографий А. В. Суворова, П. И. Багратиона, М. Б. Барклая-де-Толли, А. П. Ермолова и письма младшего сына Дениса Васильевича Вадима к брату его Василию за 1876—1877 гг.

Таковы, например, переплеты: № 1 — "Документы, относящиеся до военной службы Д. В. Давыдова" (рескрипты Александра I, Николая I, аттестаты, дипломы, рапорты, приказы, разного рода официальные письма Давыдова и к Давыдову, также формулярный список Давыдова), № 10 — "Бумаги, относящиеся до 1812 года" (официальная переписка, письма: П. И. Багратиона, М. И. Кутузова, М. И. Платова, М. А. Милорадовича и др., между прочим чернов: е отпуски девяти неизданных писем и донесений Давыдова чисто служебного характера; здесь же полуистлевшая карта Смоленской губернии, по которой Давыдов "партизаних" в 1812 г.), №№ 26 и 28 — "Выписки повелений Главнокомандующего Светлейшего князя Кутузова-Смоленского по партизанству и рапорты разных лиц", № 30— "Бумаги, относящиеся до 1813 года" (здесь также имеется четыре неизданных официальных письма Давыдова, среди бумаг — записка декабриста С. Г. Волконского), 🔌 33 — "Входящий журнал по отряду Генерал-Майора и Кавалера Давыдова" (1826 г.), № 34— "Тетрадь для записывания приказов по отряду Давыдова" (1826 г.), № 35 — "Рапорты Генерал-Майору Давыдову от разных лиц за 1826 год", № 36 — "Журнал Персидской войны" (1826—1827 гг.), №№ 43—48 — "Материалы о польской кампании 1831 года" (рапорты, приказы, реляции, диспозиции, жур-вал входящих бумаг по отряду Давыдова). Из материалов, собранных Давыдовым, от⁴ метим: № 25— "Изображение военных действий 1-й Армии в 1812 году. Высочайший доклад Барклая-де-Толли" (здесь же краткая биография Барклая), № 29 — "Сведения о Генерале от Инфантерии Князе Багратионе", № 38 — "Материалы об Ермолове" (здесь неизданные заметки Давыдова об Ермолове), № 60 — "Копии писем Князя Суворова-Рымникского"; из позднейших материалов: № 59 — "Немцы и Дунай" (рукопись неизвестного автора, может быть одного из сыновей Давыдова, относящаяся к 1854 г.) и № 62— "Письма Вадима Денисовича Давыдова к брату Василию Денисовичу" (1876—1877).

Прозаические сочинения Дениса Давыдова представлены в архиве большим количеством рукописей. Сюда относятся тетради: № 2 — "Материалы для современной Военной Истории 1807-го года: а) Встреча с фельдмаршалом графом Каменским, б) Тильзит в 1807 году" (писарская копия с поправками автора), № 3 — "Урок сорванцу, 1807 г. — Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау, 1807 г. — Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона" (также писарская копия с авторскими ремарками), № 4 — "Дневник поисков партизана Д. Давыдова, 1814 г." (черновой автограф), № 5 — "Дневник партизанских действий 1812 года" (список с поправками автора; встречаются существенно важные поправки и дополнения), № 6 — "1812-й Год" (список с поправками автора, последние страницы — черновой автограф), № 7 — "1812-й Год" (перебеленый

Dea pasa a bant pyry fast; два раза, мома вы мобовию вздохну и довственный очно ланить, пробозналь и ва пламенкой слога рескире поток Heyspino a sootuse? - won gryos, won token dryot О устра постой нишь устреновний Mon horson destro kou now gy x ! Окари то верда под поже за изведо меного, This nephare Kr worker Siehil ers hu pas, tu semin . was for then dy comodow arms Погибните на втоко метть предразировани U net, nouruna Parry spedanie Tagle ynoune es ribes a Reable uno rogto В усданания спокой ней домоскув U Muphow Combanuall, Ketto cach spayed Troposo поднеть смиранный плуго Солдатского, рукого Us nocentur 35 Kpyny, Gr gent semini, 30 some Всмахнуть ереди мугова зрелезного Косой. Ho ce Kroub chackes cate Hair Os nous ymouse while Я возвранусь под кров в дубани Остананой Youdy whow nogryry negt co for Co necgana Spratonen, de Bogon Kins re Sou U co co Kouto nome crabat Donekaro Bukocoldon Korga Bereppise Tack -Ha sospe pagoenn ...

who in phrank to be the

писарем текст с многочисленными исправлениями Давыдова), № 8 — "Отрывки из партизанского дневника" (список с авторскими ремарками), № 9 — "Дневник поисков и набегов, 1814 г." (черновой автограф), № 11 — "Опыт теории партизанских действий", (список с поправками автора и купюрами), № 12 — "Опыт о партизанах" (то же, с запиской Давыдова к неизвестному: "Поправь эту тетрадь по той, которая поправлена Жуковским красными чернилами и отдай последнюю мне, а эту оставь у себя — если тебе все равно. Д. Давыдов"), №№ 13 и 14 — "Опыт теории партизанских действий" (текст. подготовленный для 3-го издания, с поправками автора), № 15 — "Черновые листы Опыта" (автограф), № 16 — "Воспоминание о Кульневе. Занятие Дрездена. Встреча с Суворовым. Замечания на некрологию Раевского. Переписка с Вальтер Скоттом. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году" (парадный список с редкими исправлениями автора), № 17 — "Письмо к Вальтер Скотту" (черновики), № 18 — "Отрывки из военных записок Дениса Давыдова" (парадный список; сюда вошли: "Встреча с Суворовым", "Встреча с Каменским", "Урок повесе", "Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау", "Тильзит в 1807 году", "Воспоминание о Кульневе", "Отрывки из Партизанского Дневника", "Занятие Дрездена", "Мороз ли истребил французскую армию"), № 19 — "Записки (Дневник) партизана Дениса Давыдова. № 1. 1812-й год" (парадный список с пометками автора), № 20—"Записки партизана Дениса Давыдова. Приведенные в порядок 1828-го года. Часть 4-я — Записки 1812 года" (беловая рукопись с поправками), № 21 — "Материалы для современной Военной Истории. Записки Дениса Давыдова. 1812 год" (беловая рукопись), № 22 — "Вэгляд на отдельные действия Генерал-адъютанта Чернышева во время кампании 1812, 1813 и 1814 гг." (не изданная статья Давыдова с замечаниями Сабанеева), № 23 — "Ехамен critique de trois articles inserés dans les Mémoires de Napoleon publiés par le Général Montholon, par Denis Davidoff" (французский перевод брошюры Давыдова "Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона", напечатанный в "Bulletin du Nord" 1828, t. I, № 1, рр. 145-158 и № 3, рр. 257-279), № 24-"Три письма на 1812 года кампанию, писанные русским офицером, убитым в сражении при Монмартре, 1814 года" (статья неизвестного автора с замечаниями Давыдова), № 27 — "Разбор действий наших армий от Смоленска. Общие рассуждения о войне 1812 г. Отрывки из журнала военных действий Главнокомандующего Кутузова в связи с действиями партизанов и проч." (здесь же отрывки из неизданного военного дневника Давыдова), № 31 — "Военные заметки 1814 г., в Париже" (черновые автографы неоконченных статей, "Опыт теории партизанского действия", разного рода выписки, замечания, справки, денежные расчеты, медицинские рецепты, рисунки, также черновики некоторых писем и стихотворений. См. ниже), № 32 — "Воспоминания, Документы и Материалы, собранные во время поездки моей в Грузию, в годах 1826-м и 1827-м" (черновой автограф статья "Воспоминания о 1826 г." с многочисленными купюрами, сделанными сыновьями Давыдова; здесь между прочим обширные цитаты из писем Давыдова к жене от 1826 г.), № 37 — "Записки о Кавказе" (неизданная рукопись Давыдова), №№ 39-42 и 50-"Воспоминания о польской войне 1831 года", "Записки о польских событиях 1831 г.", "Описание похода корпуса генерала Ридигера против польских мятежников", "Материалы для современной военной истории. Записки Д. В. Давыдова о 1831 годе" (писарские списки с поправками автора, купюрами и вариантами; также текст, подготовленный к печати в 1871 г. сыном Давыдова Василием Денисовичем, с письмом его в редакцию "Русской Старины"), № 58— "Замечания об Индии" (неизданная рукопись Давыдова повидимому конца 20-х годов, содержащая географический и историко-этнографический очерк Индии; здесь же "Описание берега Черного моря от Константинополя до Требизонда" и "Исчисление русских войск в кампанию 1831 г."). Тетради и связки №№ 49 51—57— с материалами по истории польской кампании 1831 г. — утрачены.

Богатый рукописный фонд прозаических сочинений Дениса Давыдова должен быть подвергнут детальному текстологическому изучению. Рукописи не только содержат десятки неизвестных доселе страниц, но и буквально испещрены поправками, внесенными сыновьями автора. Этот "исправленный", а в иных случаях и искаженный до неузнаваемости текст перепечатан во всех изданиях сочинений Давыдова.

Вторую группу материалов составляют автографы и авторизованные списки поэтических произведений Давыдова, сосредоточенные в тетрадях №№ 31, 63 и 69 (к ним примыкает тетрадь № 64, куда Давыдов переписал все стихотворения, посвященные ему).

Наибольшее из них значение имеет переплетенная в зеленый сафьян тетрадь № 63. На первом листке выписано заглавие: "Договор. Элегия, и мелкие стихотворения Дениса Давыдова" и эпиграф из Мильвуа: "... et mon coeur et ma vie — tout est là!" Здесь рукой Давыдова записано тридцать семь его стихотворений и набросков. Расположение пьес и изменения почерка заставляют предположить, что заполнялась эта тетрадь в разное время (но не ранее 30-х годов). Открывается она самым крупным повтическим произведением Давыдова — элегией "Договоры" (1807). Далее шли подряд девять "Элегий" (1814—1818), перебиваемые стихотворением "И моя звездочка" .(1818); элегии VI и VIII из тетради были вырваны и сквозная нумерация соответственным образом изменена (таким образом сохранилось в тетради только семь элегий). Далее идут стихотворения разных годов, а заключается тетрадь "Челобитной" (1836). Повидимому Давыдов предполагал составить рукописное собрание всех своих произведений в определенном порядке — жанровом и хронологическом, — но впоследствии оставил это намерение и начал записывать в тетрадь новые стихотворения (30-х годов). Почти все стихотворения, переписанные Давыдовым набело, носят следы дальнейших исправлений, а в иных случаях кардинальной переработки ("Договоры").

Столь же крупное значение для редактора поэтического наследия Давыдова имеет тетрадь № 69, куда в 1836—1837 гг. Давыдов переписал стихотворения, предназначейные для задуманного им нового издания своих сочинений. На обложке тетради рукой Давыдова сделана карандашная надпись: "21 пьеса. Для прибавления к тем, которые находятся в первом издании". Здесь же позднейшая запись рукою сына Давыдова Дениса Денисовича: "Все сии стихотворения, как кажется, проданы уже Смирдину, однакожь надобно справиться. 30 мая 1840". К сожалению сохранились не все листы тетради: в ней только сем над цать стихотворений; порядок их не соответствует расположению пьес в издании 1840 г. Здесь же находится черновой прозаический текст Давыдова "Покорность к Провидению" (начало "восточной" сказки; повидимому 10-х годов).

Наконец в тетради № 31 ("Военные Заметки 1814 г."), заполнявшейся во время заграничного похода во Франции, обнаружено несколько ценных стихотворных автографов Давыдова.

Во всех трех указанных тетрадях встречаются неизвестные доселе стихотворения и наброски Дениса Давыдова. Так, например, в тетради № 63 имеется два вполне ваконченных новых стихотворения, написанных очевидно во вторую половину 30-х годов. Приведем их полностью.

вечерний звон.

Вечерний звон, вечерний звон, — Как много дум наводит он! Не тот, что на закате дня Гудит в стенах монастыря, Но тот, что пасмурной порой Поется девой молодой... Вечерний звон, — Как много дум наводит он!

Как он мучителен и мил! Как он мне чувства возмутил, Когда впервые звук его Коснулся слуха моего!.. То был не звук, но глас страстей, То говор был с душой моей!

Вечерний звон, вечерний звон, — Как много дум наводит он!

Все вторило в природе Ей: Ауна средь облачных зыбей, Пустыня в сумрачной тиши, И ропот девственной души, Терзаемой любви тоской — И очи, полные слезой!.. Вечерний звон, вечерний звон, — Как много дум наводит он! 33

МАША и МИША. Шутка.

Как интересна наша Маша! Как исстрадалася по Мише! Но отчего же ехать к Маше. Так медлит долговязый Миша? Быть может, занимаясь Машей, На Сахарном заводе Миша Готовит карамельки Маше, — Но станется и то, что Миша Забыл о нашей бедной Маше. И, может быть, неверный Миша Целует уж другую Машу, Вы знаете какую, — Миша! Опомнись, Миша! — наша Маша Жива лишь памятью о Мише. А новая красотка Маша Грызет одни конфеты Миши — В провинциях, где нынче Миша; -И в ус не дует эта Маша, Что слаще их лобзанья Миши! Когда, когда же к нашей Маше Ты возвратишься, длинный Миша, И сквозь очки увидишь Машу — Глядящею в лориет на Мишу?.. 34

В той же тетради находим неизданную "Элегию ІХ", не вполне законченную:

Два раза я вам руку жал; Два раза молча вы любовию вэдохнули... . И девственный огонь ланиты пробежал И в пламенной слезе ресницы потонули! Неужто я любим? — Мой друг, мой юный друг, О, усмири последним увереньем Еще колеблемый сомненьем Мой пылкой, беспокойной дух! Скажи, что сердца ты познала цену мною, Что первого к любви биения его Я был виновником!.. Не надо ничего -Ни рая, ни земли! Мой рай найду с тобою. Погибните навек мечты предрассуждений И ты, причина заблуждений, Чад упоительный и славы и побед!

40. A het Dun bleto d'his Doteniel Caure dell revo Bre mo ro motor Moros bland flan con or Aceterialpor Oyyun he to Comosom bostsound nocheder pon Comgonessia Roucear Or Morages, ta acoas Enjeter He were o portso to Courses hauners Constitute maly Mis corrama ba esus o Reducero. Laws ou buduges beenly kethesparts warrage herishy. I breide thomans him - one Thurse Hustude neglows go noused them owe more noxody's tames, is of fronty fiche to maybe agu postante tryunada Kamo agha pyraw usuaba Kakero. Hurers hours uy charact motor ornews; anyold. We Tenso remends breas round harga to bome yet hadis We heury a Tirin ela Ouforens Sepropue amorphismia Ingo, cuorous layed Greateku - nogo te hobacuit We to consens to lead alyage waso sono hauma ma Conserved orughed court loste by wetern 1812 In ce the Resta lose title to that weedy to. письмо дениса давыдова к пушкину от 23 ноявря 1836 г. первая-вторая страницы Medoy wo wh, mongrosol, and Roberts riceus on 1819 who Thursday whose or Meximistered & Kongrues . Doughes two gots who bosoners . Papers unewater uperford actes, was Oserios youth 20 gt ; to the way co Ce Dyor Hours the Kerah Dolyselmous Recient country; Hokening tue orte duy o mous; down fasces sund no. Ono me next miner "ocein " Two Inh weenth laybego, tenooska dego maorollecto Mya Karwo hy ext of solo - forformates Mouto. This of wound. It obke us hu, one da blake worly Joynugoich Kationeones, Hogungonia Suno Murunous Dolin Let luie orn crokalut yours negro 3k out luconen withou lycourse, down marin hours ylead whice where, Mysofetic be been to liverity tunement, 28 mo Vahrebarnano Kalennen, Willowskie Kane u - Aulyylanan to key you tendso standard pycous to aco oby he waketie ngotukaymo motowo destos ito et other was had a det of the much of the part was to. Who how a Thus wor .

Ленинградское отделение Ценпрархива

Mariancourse Bus Keneust have affect hound to Bry. Corporate heart torusts; du leuders to lains Cyo Apolabbian Espendania. Dangachuan angh - Halvaa. Ho muso; eloubouch hedsesdage ween 2. yhter notion is Meurostyles, one workent pastofum mysumer unt Tomis or torking Apolates Barels Gebourt . Engoreus o cagain y M Courson to Continuen Bulleter . Her of yetho . Offer you was been de sa wednessel, he thragueto go oran Augu od, guens useuny owily also weredayy. The whois portables a the modernoon oraced of the cooler photospo of the towers necessary constanted curyette out Wyo tewologo Bygy Chambes, a wale bastome with Concounter of first Boses. My hune a misto office of Asher key Devends we morne arrymence you Berus Jaskyn Reconsider of offer waysis of menyedy. Mysermin 29 Kordfe - More Est Harryments to Columbianity and India. Ho The regime lagge, attend autower Due Hous somene, guilot to their . no trienty for Mynusys - Motor Abush Damp, - a tea noundrans Banco rue mony counts Thus Hauchunder System or youter Balantes, muss mono hack bush the pycoupes receive feeder dur the notarbyengoing up Expuses the 263, Godge un Cynamic ember, so mund laxe somogens of no corare to col-Lybrake eto Word Courtino oudant to recoul no-270 redo bis 40 was Kerrem at thewar a befor water rield beil was youther, Wague maround in tempospis sound Tapaskergus necessar ero o mountain alayami o mastionia ero yecolouam. Tay - to Tayo by a witagakan agas land Truster fol lottenbed pasmoogs no or mais; bed, - or your good al. Conberryes (Sons fluges; Kours Oris Chage ich Charims hus otogy the shypeowers a tradercyce - beareflain Laws one hugh chy hematypunges repulseauch every time has to runt a wheolunder . Ach lougo conoch purpasson nonoung two one crayeres or (have fourt ocupators.)

иисьмо дениса давыдова к пушкину от 23 ноявря 1836 г. третья—четвертая страницы Ленинградское огделение Центрархива Я часто говорю, печальный, сам с собою, О, сбудется ль когда мечтаемое мною? Иль я определен в мятежной жизни сей Не слышать отзыва нигде душе моей! 85

Там же отрывок (начало) стихотворения

1811-го ГОДА.

Толстой молчит! — неужто пьян? Неужто вновь закуралесил? Нет, мой любезный грубиян Туза бы Дризену отвесил. Давно б о Дризене читал: И битый исключен из списков — Так видно он не получал Толстого ловких зубочистков. Так видно, мой Толстой не пьян

В тетради № 31 Давыдов набросал начало песни об Ахтырских гусарах, которыми он командовал в походе 1814—1815 гг.:

Актырские Гусары, О, крабрые друзья! Простите! — на удары И бранные пожары Ходить не буду я! Довольно пламень ярый

Вот кивер мой Примите от меня.

Вероятно Давыдов сочинил эти стихи, когда оставил командование Ахтырским полком.

Там же находится не вполне обработанное четверостишие:

к моей пустыне.

Пустыня тихая, сует уединенна, В тебе я позабыл все горести мои! Но будь ты на холмах Аи, — Тогда была бы совершенна!

написанное во время заграничного похода 1814 г., и наброски послания к В. А. Жуковскому (очевидно в ответ на известную строфу о Давыдове в "Певце во стане русских воинов"):

Жуковской, милой друг! Долг красен платежом: Я прочитал стихи, тобой мне посвященны; Теперь прочти мои, биваком окуренны И спрысканы вином! Давно я не болтал ни с Музой, ни с тобою, До стоп ли было мне?..

Но и в грозах войны, еще на поле бранном, Когда погас Российский стан, Тебя приветствовал с огромнейшим стаканом Кочующий в степях нахальный Партизан!

Ваодно сообщим двустишие Давыдова, обнаруженное в неизданном письме его к Н. В. Шимановскому от 7 декабря 1830 г., где читаем: "Ты знаешь уже, что в Варшаве суматоха и верно будет стукотня, я на сей раз пишу графу Чернышеву [военному министру.— В. О.], чтобы он походатайствовал мне быть употребленным. Мочи нет, как кочется побить эту польскую каналью, в честь которой я написал это двухстишие, которое должно быть им памятно:

Поляки, с Русскими вы не вступайте в схватку: Мы вас глотнем в Литве, а в $<\ldots$. >м в Камчатку $^{\alpha}$ 37.

Кроме того сохранившиеся автографы стихотворений Давыдова дают возможность восполнить цензурные и авторские купюры, учесть существенно важные варианты и разночтения, а также освободить текст от многочисленных искажений, описок переписчиков и типографских опечаток, нарушающих в иных случаях самый смысл стихотворения. Так например, в басне "Река и Зеркало" последние четыре стиха печатались в таком маловразумительном виде:

Монарха речь сия так сильно убедила, Что он велел ему и жизнь, и волю Постойте, виноват! — велел... сослать, А то бы эта быль на басню походила.

В действительности же строфа эта под пером Давыдова имела не только грамматическую и рифмическую стройность, но и "русский адрес", в значительной степени углубляющий ее политический смысл:

Монарха речь сия так сильно убедила, Что он велел ему и жизнь, и волю дать... Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать, А то бы эта быль на басню походила.

В известном послании Бурцову ("Бурцов, ёра, забияка") третий стих, как выясняется, печатался в цензурованной редакции:

Ради рома и... арака,

— тогда как Давыдов писал:

Ради бога и... арака.

В элегии "Договоры" во всех печатных ее редакциях пропущенным оказался целый стих (148-й):

Могу ли быть тебе несносен от того.

благодаря чему нарушалась рифмовка и терялся смысл строфы. Одну из "Эпиграмм" печатали в такой бессмысленной редакции:

> Остра твоя, конечно, шутка, Но мне прискорбно видеть в ней Несчастье твоего рассудка И счастье памяти твоей,

тогда как Давыдов писал:

Не счастье твоего рассудка, А счастье памяти твоей.

В послании "Другу-повесе" печатали:

И важных Муз пеньё, С Харитами житье,

а нужно печатать:

И важных Муз синклит И троица Харит.

Там же, в стихе "Меж радостей не бесных", последнее слово обычно заменялось: "чудесных".

"Элегия IV" печаталась с пропуском сем и стихов и с грубыми ошибками. В стихотворении "После разлуки" последние три стиха печатались так:

Гуляющий на вале сорванец — Встречается солдат-беглец С своим суровым капитаном,

тогда как Давыдов писал:

Гуляющий на воле удалец — Встречается солдат-беглец С своим безбожным капитаном.

В "Речке" вместо "Как керувима сновиденье" печаталось всюду "Как непорочно сновиденье", потому что сравнивать любимую женщину с ангелом цензурой не разрешалось.

В "Челобитной" стихи: "И сенатор, и делец" и "Полицейской саранчи" были заменены цензурой на "Озабоченный делец" и "Благочиний саранчи".

Особый интерес вызывает авторизованный список знаменитой "Современной песни". Как известно, в этой сатире Давыдовым был осмеян ряд видных представителей московского общества середины 30-х годов. Современники безошибочно угадывали, кого именно имел в виду автор "Песни". К сожалению до настоящего времени не удалось установить, кто именно скрывается за образами "сухого паука-длинного лазарони", "плюгавого жука", "комара, студента хромого, в кучерской прическе" (это может быть В. Г. Белинский), "мурашки-филантропа" и др. Известно было только, что в лице "утописта-идеолога", "духовника старых барынь", "маленького аббатика" Давыдовым выведен П. Я. Чаадаев, а вообще "Современная песня" имела в виду круг москвичей, собиравшихся в салоне Е. Г. Левашевой. Авторизованный список "Песни" (тетрадь № 69) позволяет раскрыть еще одно зашифрованное имя: вместо стиха "И Иван Иванич клоп" здесь стоит:

И Филипп Филиппыч клоп, Муж.... женоподобный.

Здесь имеется в виду известный Ф. Ф. Вигель.

В архиве сохранилась также первая редакция перевода стихотворения Арно "Листок", настолько отличающаяся от общензвестной, что имеет смысл привести ее целиком:

Аисток от стебля отлученный И ветром яростным влеченный, Куда несешься средь степей? — Как знать мне! Вихря грозна сила Могучий дуб переломила — Защиту слабости моей; С тех пор, игралище Эола, Кружусь печально среди дола, Несусь с горы на бурный ток; Несусь, куда несет суровой Всему неизбежимый рок; Куда летит и лист лавровой, Летит и розовой листок.

К собранию стихотворных автографов Давыдова примыкает тетрадь № 64, на первом листе которой рукою автора выписано следующее заглавие: "Собрание стихов и прозы мне и обо мне писанных. — Переписанное рукой моею, для сыновей моих Васи, Николеньки, Дениса, Ахилла и Вадима". Здесь кроме выписок из различных русских и французских сочинений, официальных писем, рескриптов и аттестатов переписано двадцать стихотворений, посвященных Давыдову (Арно, Пушкина, Языкова, Вяземского, Ф. Толстого, Жуковского, Баратынского, Зайцевского, Воейкова, Алексея Бестужева, Ф. Глинки и Стромилова).

В тетради № 61 собраны "Бумаги разного содержания и времени"; здесь, среди копий со всевозможных документов, находятся биографические (словарного типа) заметки Давыдова о Бензераде и Беннигсене, неоконченная черновая рукопись "Рассуждение о войне с турками, 1769 г.", замечания по поводу французского сочинения ген. Водонкура об адмирале Чичагове и интересная неизданная рукопись (черновой автограф) "Письма о военном поселении". Рукопись эту Давыдов предполагал в 1822 г. напечатать анонимно, о чем свидетельствует черновик его письма к А. Ф. Воейкову:

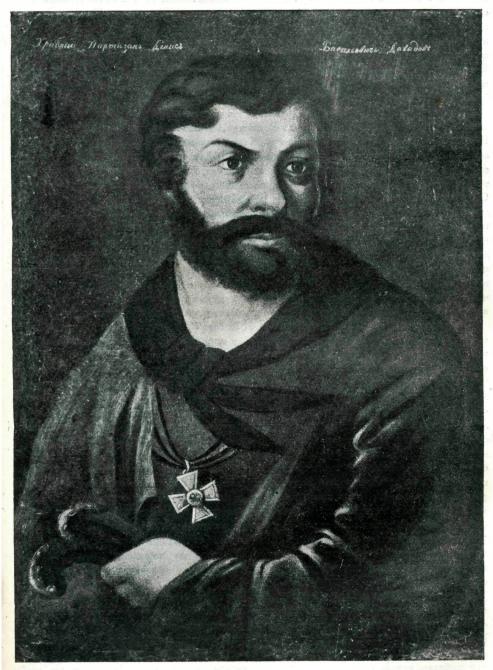
М. Г. Александр Федоровичь!

Разные вздорные и неприятные слухи, распространенные повсюду о военных поселениях, побудили меня изъяснить, сколько от меня зависело, существующую цель и правила, на коих оные устраиваются, равно пользу, которая от сего учреждения произойтить может; я старался также по возможности опровергнуть неосновательность многих суждений о сем установлении. Сочинение мое в виде писем, при сем имею честь препроводить с покорнейшею просьбою поместить оное в Русском Инвалиде, журнал сей известен более прочих и в особенности военным, которым одним прежде, другим после, но всем предстоит служить в сих поселениях. Предоставляю вам полное право располагать рукописью по собственной воле. Ежели вам угодно будет напечатать письма сии особенною книжкою, и вырученные от продажи деньги обратить в пользу какого-нибудь бедного инвалида...

Я ничего не ищу, ничего не хочу, кроме общей пользы, которая, как мне кажется, от объявления к общему сведению настоящей цели военных поселений произойтить может. — Не нахожу нужным подписывать мою фамилию, я мог бы скрыть ее под какимнибудь вымышленным именем, но и ето почитаю излишним, еще повторяю, что предаюсочинение мое в полное и непосредственное ваше распоряжение. Располагайте, как вам угодно".

Письмо помечено: "С. Якшино. Августа 2-го дня 1822-го года" 38.

В этой же тетради находится между прочим "Письмо Жуковского к отцу Пушкина" (известный рассказ о дуэли и смерти Пушкина) с приложением плана пушкинской

«ХРАБРЫЙ ПАРТИЗАН ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ДАВЫДОВ»

Лубочный портрет маслом

Исторический Музей, Москва

квартиры и записки Николая I ("1. Заплатить долги..." и т. д.) и "Записка Даля о последних часах А. С. Пушкина". И то, и другое в писарских копиях. Подобная же копия с так называемого "Письма Вяземского к А. Я. Булгакову" (о смерти Гіушкина, — впервые появилось в "Русском Архиве" 1879, № 6) находится в тетради № 68. Адресатом письма здесь назван не Булгаков, а Д. В. Давыдов ³⁹.

Третью'группу материалов в архиве Давыдова составляет его переписка, сохранившаяся частью в оригиналах, частью в копиях (переплеты №№ 65, 66, 67 и 68). Больпинство неизданных писем Давыдова адресовано к жене (1818—1838) и старшим сыновьям Василию и Николаю (1837—1839). Из писем Давыдова к жене сохранилось далеко не все; утрачены все ранние письма, за исключением одного (из Киева, от 1821 г.), в котором Давыдов сообщает о "Каменских жителях". Приведем из него отрывок: "Приехали сюда Александо Львович, Василий Львович [Давыдовы] и [С. Г.] Волконской, [М. Ф.] Орлова с женою ждут с часа на час, Аглаю [Давыдову] с детьми ждут также сегодня вечером. Я обедал у Николая Николаевича Раевского... Какая жалость! Слук носится, что будто бъ Князь Александр Ипсиланти, будучи не в состоянии снести несчастие быть праздным тогда как его соотечественники сражаются за свободу Греции, принял яду. Однако эта новость требует подтверждения. Николай Николаевич Раевский переменил дом и живет в прекраснейшем, подлинно в барском доме. У него готовятся вечера попрежнему, здесь множество съехалось артистов и уже начались споры насчет протекции, тот того протежирует, а тот другова. Я намерен провести здесь время как прошлого года, т. е. ездить каждый вечер к Николаю Николаевичу на полчаса, а там воротиться домой, писать к тебе, курить трубку и болтать с Васильем Львовичем, который неисчерпаемый источник веселости, ума и прекрасных чувств"..

В черновых тетрадях "Воспоминаний о 1826 годе" Денис Давыдов приводит много отрывков из своих писем к жене, писанных с дороги на Кавказ (самые письма утрачены). Письма эти (как впрочем и вся остальная семейная переписка) неожиданно рисуют Давыдова в высшей степени сантиментальным и даже плаксивым человеком. Фгромные письма-дневники целиком заполнены изъявлениями "тоски", "печали по милым" и проч. В черновой рукописи "Воспоминаний" Давыдов следующим образом объясняет включение в статью своих интимных писем: "В то время Москва кипела миллионом людей, прибывших из отдаленнейших краев России, праздники, балы, спектакли, собрания разного рода влекли толпы от радости к радости, от забавы к забаве, каждый встречался с людьми, — а я скакал от шума чаш к шуму оружия. — Лишнее было бы более распространяться о тоске моей в течение всей дороги, но так как я пишу не для публики, а для детей, которым хочу показать себя, в моральном смысле, как мать о о дила, то и выписываю нечто из писем к жене моей, а их матери. Там они увидят часть того, что в течение пути я ви*д*ел и чувствовал: пусть они познают сколько честь служить отечеству на войне тяжка для человека семейного, любящего свое семейство. Старший сын извлечет из сей книги и из других сочинений моих ум и душу мою и познакомит меня с меньшими". Сыновья Давыдова не пожелали однако разрушать канонизированный традицией образ "певца-гусара" и исключили письма из текста статьи.

Приведем для образца одну цитату: "Милый друг, бесценный друг! ты видела, что бросаясь в коляску я не мог отвечать тебе ни голосом, ни словами. Одни слезы мои отвечали твоим слезам. Дай бог возвратиться, никогда не решусь уже тебя оставить. Бог с ней — и со славой, и с почестями, ничего не хочу кроме тебя!.. Боже мой! с каким восторгом я полечу обратно к тебе, мой милый друг. Теперь всякой коляске, всякой кибитке, всякому прохожему, мне встречающимся, я завидую. Что бы я дал, чтобы иметь право воротить оглобли и явиться к тебе в Мышецкое!" (Письмо от 14 августа 1826 г. из Подольска.)

Из Тулы (16 августа) Давыдов пишет: "Паскевич только что нынче в ночь выехал из Тулы, я может быть догоню его, а Грибоедова верно перегоню, — ибо мне теперь товарищи дорожные не нужны, напротив они свяжут меня—я при них должен быть не я, а другой, теперь же я сам с собою, я то что есть".

Грибоедова Давыдов нагнал только 28 августа, уже на Кавказе, и дальше продолжал

путь с ним вместе. В печатном тексте "Воспоминаний" (по изд. 1893 г., т. II, стр. 195) суждение Грибоедова о Паскевиче передано неверно: сычовья Давыдова изменили текст, выбросив резкости по адресу Паскевича. В рукописи этот абзац читается так: "Он [Н. В. Шимановский. — В. О.] нам сказывал, что Ермолов хотя и видел в нем [Паскевиче. — В. О.] надзорщика, но принял его весьма ласково — тогда Грибоедов сказал: "как вы хотите чтоб етот дурак взял преимущество над умнейшим в России человеком — верьте, что тем кончится, что наш его проведет, и что Паскевич; приехав сюда впопыхах, уедит со срамом!" Сколь он обманулся в пророчестве своем, столько мы, в последствии, обманулись в Грибоедове!.." (В печатном тексте фамилия Шимановского обозначена только первой буквой.)

Из остальных писем мы узнаем точный маршрут путешествия Давыдова и Грибоедова; между прочим "от Гут-Горы на 7-й версте" путешественники "догнали батальон гвардейцев, сосланных на службу в Грузию за бунт 14 декабря 1825-го года. Ими командовал Подполковник Махов, человек без образования, но весьма неглупой и ловкой". Интересен рассказ о первой встрече с Ермоловым: "Грибоедов, ехавший верхом в скок и рысью, обогнал меня и явился к Ермолову прежде меня. Ермолов любил его очень, к тому же ето было первое их свидание после увоза фельдъегерем и заточения его в Петербурге по делу 14 декабря. Итак Грибоедов был принят, как брат родной. Со мной было иначе: Ермолов хотя всегда любил меня и несколько раз просил под свою команду, но теперь огорченный письмами, повелениями и даже Запросами высшего начальства, и видя меня присланным без его согласия на службу в его корпус почти вместе с Паскевичем, который видимо прислан был в досаду ему — он принял меня хорошо, во не с тем дружелюбием, как принимал меня прежде... Мы обедали однако втроем и целый день никого в беседу к себе не принимали: к концу дня откровенность заменила недоверчивость, и старинная ласка — холодность приема. Тут Ермолов рассказывал нам, что он уже два года тому назад предвидел вторжения персиан и показывал донесения свои покойному императору и Нессельроду, в коих он ежегодно по нескольку раз остерегает их на сей счет и просит о приготовлении продовольствия в Астрахани и в Баке, по той причине, что во время войны число войск должно будет умножиться в Грузии, и что Грузия не в состоянии будет пропитать то число войск, которому необходимо будет собраться в сей области. На сие в ответ были уверения, что Шах не помышляет о войне, а что она в мыслях одного Ермолова, потому что он желает ее, и что снабжение запасами Астрахани и Баки возбудит в Персии опасение, которое скорее может причинить подъятие оружия против нас, нежели спокойное наше положение..."

Богатый и не лишенный интереса материал по истории польской кампании 1831 г. заключается в сорока семи письмах Давыдова к жене от февраля—сентября 1831 г. (переплет № 65).

Тридцать пять писем к жене, писанных во время поездок в Москву и Петербург (в 1833, 1836, 1837 и 1838 гг.), сохранившиеся в автографах и в копиях (переплет № 66, тетрадь № 67), имеют важное биографическое значение и содержат много любопытных данных о различных событиях столичной общественной и литературной жизни. Подробно сообщает Давыдов о встречах с старыми друзьями и о новых знакомствах. "Орлова [Михаила Федоровича] дом можно сказать есть первый дом здесь, — пищет о из Москвы в январе 1833 г., — и все стараются туда попасть, делая, — как то дедают в Москве в подобном случае, всевозможные подлости. К[атерина] Н[иколаевна] Орлова вообще очень любима, pour la manière de recevoir pour les provenances и пр. и точно, я вчера видел, что она принимает очень благородно и бонтонно". В одном из следующих писем находим любопытные строчки о стихотворце К. Бахтурине, прошумевшем (очень недолго впрочем) в московских салонах: "Поутру был у меня... молодой удан Бахтурин, который поэт не выше ди самого Пушкина". В письмах 1836 г. из Петербурга есть много упоминаний о встречах с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, С. А. Соболевским. С восторгом отзывается Давыдов о К. П. Брюллове: "Третьего дня я обедал у Вяземского и был с ним у Брюллова, с которым познакомился. Он весьма приятный человек". Давыдов, как это видно из писем, часто посещал Брюллова и тесно с ним сблизился. И в 1838 г. он сообщает жене о встрече с Брюлловым: "Оба мы очень друг другу обрадовались... чудный человек! Полный ума и оригинальности и с таким необычайно огромным талантом!"

В январе 1836 г. Давыдов в Петербурге часто встречался с Пушкиным: "Вчера из театра я провел вечер у Вяземского. Он получает до 20 тысячь жалованье и живет очень приятно. Я у него нашел Пушкина и Жуковского, которые для меня туда приехали... Il parait que je suis vraiment une figure poétique, car voilà que le Grand Pouschkin même vient de me faire de ucren m'enorgant sou Histoire de Pougatcheff; стихи прелестные, как все что выходит из-под его пера" (письмо от 22 января), "25-го... вечером был у Пушкина, dont la femme est vraiment est d'une beauté extraordinaire... Пушкин мне подарил экземпляр Истории Пугачевского бунта и при нем прислал стихи, вот они [приводится текст послания "Тебе певцу, тебе герою"]... Вечер проводил у Жуковского, у которого собираются каждую субботу его приятели и литераторы. Там я нашел Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземского, Теплякова и множество... Этот вечер был моим триумфом. Вообрази, что из 25 умных, я один господствовал. Все меня слушали et je tenais le dé de la conversation pendant toute la soirée" (письмо от 25-28 января). 26 января Давыдов слушал у Жуковского "Ревивор" Гоголя, а в это время художник Григорий Чернецов рисовал его портрет (воспроизведенный в "Ниве" 1911 г., стр. 496).

Письма Давыдова к учившимся в Петербурге сыновьям— Василию и Николаю— за 1837—1839 гг. (числом сорок семь) интересны преимущественно изложением его педагогических мнений; письма эти— своего рода катехизис, "правила поведения благородного юношества", основанные на преувеличенных понятиях о военной чести и дворянском звании.

Для примера приведем одно письмо к сыну Василию (от 26 декабря 1837 г.), в котором Давыдов, предостерегая сына от "вздорных замечаний" по адресу "православной церкви" и "царской службы", возводит в степень "священного и непорицаемого" то, что высмеивал всю свою живнь, — бессмысленную плацпарадную шагистику. Жизнь научила партизана осторожности. Вот текст письма:

"Мы собираемся, милой мой Вася, к выезду в Москву и я только что и жду время поздравить тебя с новым годом и со днем твоего ангела. Этот год для тебя важный год. Это ступень с которой, в нравственном отношении, ты можешь сходить вверх ногами в пропасть, — или пойти вверх с одной ступеньки на другую и приобресть себе имя надежного человека.

Ты пишешь, что тебя учат маршировать и vous n'etes pas cela pas embête. Чтоб я таких выражений на счет какой-либо части военного дела и не слыхал от тебя. В ремесле этом все должно быть равно Священно и непорицаемо, от вытягивания ноги и понижения носка до высшего стратегического соображения. Иначе ты не будешь истинным Солдатом. Повторяю тебе не гляди на других, уважай ремесло свое как нашу православную церковь и ни на какой обряд службы и церкви не делай вздорных замечаний.

Прости. Обнимаю тебя и посылаю тебе родительское мое благословение.

Отец твой Денис Давыдов".

Письмо это (единственное из переписки с сыновьями) сохранилось не в архиве Давыдова, а в Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина.

Из остальной переписки обращают на себя внимание пятнадцать писем к саратовскому губернатору ки. Александру Борисовичу Голицыну и пять писем к гр. Федору Ивановичу Толстому (и те и другие — 30-х годов), письмак И. В. Васильчикову, художнику Доу, А. А. Закревскому, А. Я. Булгакову, Д. П. Бутурлину и др. 40

Особое значение имеют подлинники десяти писем Давыдова к Пушкину, опубликованные, как уже было сказано выше, в крайне искаженной редакции. Не имея возможности целиком привести их подлинный текст в данной статье, ограничимся одним

примером, из которого ясным становится, что сын Давыдова Денис Денисович не только занимался "исправлением" слога, но и выбрасывал из писем все "опасные" строчки. Вот подлинный текст письма от 23 ноября 1836 г. (ср. № 1107 в академическом издании переписки Пушкина):

"Письмо твое с Шеншиным я получил. Досадно, что Данилевский отсекает целые периоды от статей моих. Что делать! Я однако ни слова не намекну ему о том; боюсь рассердить его. Он теперь пишет две надцатый год; пожалуй, с сердцов вычеркнет из него и дела мои.

Между тем, признаюсь, — я обозрением его 1814 года довольно доволен. Происшествия изложены ясно, есть в нем документы неизвестные; конечно, ни одно выражение не берет на штыки читателя, зато все сочинения проникнуты теплою любовью к России, что для меня, варвара, человека без примеси Русского, бог знает как усладительно, особенно при настоящем духе общего гражданства, разливаемого нашими школьниками-Ликургами с очками на носу и в батистовых рубашках. Но неужели вельзя хвалить Русское войско без порицания Наполеона? Порицание это причиною того, что все сочинение более отэмвается временем 1812 года, слогом Сергея Глинки, когда ненависть к посягателю на честь и существование нашей родины внушала нам одни ругательства на него, чем нашим временем, когда вражда к нему забыта и Гений его оценен бесспорно и торжественно. А все эти выходки Данилевского для чего? Для того чтобы поравнять в военном отношении Наполеона с Александром: будучи не в состоянии возвысить последнего до первого — он решился унизить первого до последнего и оттого похож на тех Французов, которые, при вступлении нашем в Париж, навязав веревку на шею бронзовой статуе великого человека, тащили ее с верха колонны на мостовую.

Ты спрашиваеть о Чедаеве? Как очевидец, я ничего не могу тебе сказать о нем: я прежде к нему не езжал и теперь не езжу. Я всегда считал его человеком начитанным я, без сомнения, весьма умным шарлатаном в беспрерывном пароксизме честолюбия, -во без духа и характера, как белокурая кокетка, в чем я и не ошибся. Мне Строгонов рассказал весь разговор его с ним; весь, — с доски до доски! Как он, видя беду неминуемую, признался ему, что писал этот пасквиль на русскую нацию немедленно по возвращении из чужих краев, во время сумасшествия, в припадках которого он посягал ва собственную свою жизнь; как он старался свалить всю беду на журналиста и на ценсора, — на первого — потому, что он очаровал его (Надеждин очаровал!) и увлек его к дозволению отдать в печать пасквиль этот, — а на последнего — за то, что пропустил оной. Но это просто гадко, а что смешно - это скорбь его о том, что скажут о признании его умалишенным знаменитые друзья его, ученые Ballanche, Lamené, Guizot и какие-то немецкие шустера-метафизики! Но полно, еслиб ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем, потому что не люблю разочаровывать; впрочем, спроси у Т. . . , который на-днях поехал в Петербург, он, может, расскажет происшествие это не так, как я, и успокоит на счет католички.

Ты хочешь печатать оставшиеся строки от Занятия Дрездена. Напрасно. Ты увидишь, как статья будет гола. Лучше я тебе пришлю какую-нибудь другую статью, а ты возврати мне эту. Впрочем, как хочешь, все отдаю на волю моему отцу и командиру. Только, ради бога, пришли мне копию с Занятия Дрездена, зачертя в ней карандашом все то, что зачертила ценсура кровавыми чернилами. Да присылай скорее без замедления, не клади в долгий ящик, потому что у меня не осталось даже черновой тетради. Прости.

Денис Давыдов.

23 Ноября — Москва, на Пречистенке в собственном доме".

Из писем к Давыдову, сохранившихся в его архиве, отметим огромное лисьмо И. Г. Бурцова (из Тульчина от 5 октября 1821 г.), содержащее подробный разбор "Опыта теорни партизанского действия", — указания Бурцова Давыдов принял во внимание при переработке "Опытов" для 3-го издания ⁴¹. Там же письма М. В. Ю зе фовича, Петра Ивашева (1836), С. Н. Марина (1812) и др.

Автографы Дениса Давыдова имеются и в других архивных собраниях Ленинграда и Москвы. В Рукописном отделении Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки хранится тридцать автографов, из них сем надцать неизданных (преимущественно письма к В. Н. Каразину, М. Н. Загоскину, сыну Николаю Денисовичу, А. С. Норову, Н. И. Кривцову, А. И. Михайловскому-Данилевскому и проч.). Большинство из них незначительно по содержанию.

Интереснее их три стихотворных автографа — элегии "Ивановой" ("Возъмите мечь — и недостоин брани!"), эпиграммы "К портрету Бонапарте" и неизданного стихотворения "Племяннице".

Элегия, как выясняется из автографа, в первой редакции имела заключительную строфу (о счастьи любовников), выброшенную Давыдовым по настоянию Жуковского, усмотревшего в ней "вольность" по адресу царей земного и небесного. Вот эта строфа:

Чего ему тогда останется желать? Чего искать ему? — он все уже имеет! Он выше всех Царей достоин восседать! Он бог, пред коим Мир, склонясь, благоговеет!

Давыдов послал Жуковскому свою элегию со следующей припиской: "Посылаю любезному Василию Андреевичу последние стихи мои — с тем же уговором как и прежние —

ваш слуга Денис Давыдов.

№: Иванова танцовщица в которую влюблен Партизан".

Тут же ответ Жуковского: "Я советую выкинуть последние четыре стиха, тем более что: и на груди е е воздремлет утомленный — стих прекраснейший".

Эпиграмма, "К портрету Бонапарте" была уже в печати, но без последнего стиха ⁴². Вот ее полный текст:

Сей Корсиканец целой век Гремит кровавыми делами. Ест по сту тысяч человек И с . . . > королями. Давыдов Поэт и Партизан.

Неизданное стихотворение "Племяннице" посвящено Аглае Антоновне Давыдовой:

Аюбезная моя Аглая,
Я вижу Ангела в тебе,
Которой, с неба прилетая,
С венцом Блаженства на главе,
Принес в мое уединенье
Утехи, щастье жизни сей
И сладкой радости волненье
Сильней открыл в душе моей!
Аюбезная моя Аглая,
Я вижу Ангела в тебе!
Ах! как нам Праздник сей прия

Ах! как нам Праздник сей приятен, Он мил домашним и друзьям, Хоть не раскошен и незнатен, Зато в нем места нет льстецам. Тебя здесь Дружба — угощает, Веселость — на здоровье пьет, Родство — с восторгом обнимает, А Искренность — сей стих поет!

Любезная моя Аглая, Я вижу Ангела в тебе!

cro blodwings a lace under a dorott. Corbune Mount to tona - out ongue the rougains to pot land partice no 600 in conded tou partine 12000 a lear to low we well the a clear trant or way the comes Kar Kengerwoon Hadd Evendamin Cademon Orecenum ta Kees a Golymus cotoskumer 8 be bound your conce noticy emby sind will out od B. Votum na detto - so heloumound orani. haur cert sea ona pochuyon hodonea ento O Som Fails a. Anyume nory How Buther Kouy her um Em ca Moc of bro muso boy 6. God by weekind mustakout houmas; of orige I time Actornante. horia Kapunion yestelkemen. In 11 be we Evert Come embro 630, 5. Ивано вы

Commencements holods There has exceed been Too ceeus oand By an is long non which oraks Or regul been layer Dr. nound 68 cooland. Onto don's nyeto donn's digo conocals dear content. A Coboqueant The comme trops he was extensed both thans whateed to bother yoursenement nother and in wound Bounder Andrebury naised mire one in mound - it reserves the Lowe pour dysound monto doctorde Bourgeeno telo ucharat Eny. - one dio yet aullut wenter la ser apple of us laber there to be be been to be the best of the best telo luy modia comanence It Present? V.M. Warosa menyobyyya 65 Loughy Restorage Sommer to man Came to a ga to have see to no were ducing Goodogo we hear a nagen win -Kapersolker Carlowall belood rent annus sonta.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА «ИВАНОВОЙ». Денинпрадствое опделение Ценпрархива Но естли щастием картины
Твое я сердце не прельстил,
Коль Праздник сей тебе не мил,
Ты в этом первая причина!
Ни кто от радости рассудка не имел,
Ты только на себя вниманье обратила;
Я угостить тебя хотел,
А ты собой нас угостила!
Любезная моя Аглая,
Я вижу Ангела в тебе! 43

В Институте Русской Литературы Академии Наук СССР имеются следующие автографы Дениса Давыдова: стихотворение "Графу П. А. Строганову" (вариантов и разночтений с печатным текстом нет), элегия "Бородинское поле" (в альбоме П. Л. Яковлева, помечено: "Саратов, 1830, 19 Генваря"; разночтений нет 44) и двадцать писем—двенадцать изданных (к А. А. Бестужеву, А. С. Пушкину, Н. М. Языкову, А. И. Якубовичу) и восемь неизданных (к Е. А. Баратынскому, В. А. Жуковскому, Ф. Л. Переверзеву, А. И. Михайловскому-Данилевскому, архитектору Шенкелю и неизвестному) 45.

Кроме того в Институте Русской Литературы имеются копии девятнадцати неизданных писем Давыдова к П. Д. Киселеву за 1815—1819 гг. (из них в печати известно всего несколько отрывков; см. выше 46). В письмах этих содержится много ценных данных для биографии Давыдова, а также для характеристики целого ряда видных офицеров 2-й армии, в частности о "Тульчинском гнезде" будущих декабристов. В письме от 2 августа 1818 [?] из Умани находим следующее любопытное замечание: "Сожалею, что будущий прусский король умен и напитан Ансиньоном, сожалею, душевно сожалею. Какая перспектива пруссакам! Considerations sur la revolution de France я ожидаю наднях из Франции, а драгоценную рукопись читаю вместо "Акафиста". Многие письма свидетельствуют об увлечении Давыдова идеей создания солдатских ланкастерских школ и особенно деятельностью в этой области М. Ф. Орлова. Заслуживает внимания отзыв об Ермолове и его политике кровавого "замирения" Кавказа. "Я знал, что побывав в краю черкесов, -- пишет Давыдов, -- ты уверишься, что система истребления, которую избрал Ермолов, прилична тому краю, ибо люди, которые тебе говорили противное, все миролюбивые, иначе из инвалидного Богоугодного заведения, называемого Советом, а другие просто из гражданской богадельни, именуемой Сенатом. Ермолов, брат, человек необыкновенный и при всей страсти своей к христианскому истреблению, право бы воздержался, если бы видел в том бесполезность" (письмо от 14 июня 1819 г.). В письме от 7 августа 1819 г. Давыдов с большим сочувствием упоминает об И. Г. Бурцове, видном деятеле Союза Благоденствия, называя его "известным по энаниям и уму своему, как древний друг мой, соименитый ему герой, по разврату и собутыльничеству". В том же письме встречаем следующую сентенцию: "Если уж назначено мне судьбою быть обойденным, то пусть лучше обойдет умный и деятельный человек, как ты, нежели какой-нибудь ленивый скот, в грязи валяющийся. Божусь, что я это от души говорю. Люди прошедшего столетия не поймут меня, ибо их мысль и чувства падали к стопам Екатерины, Зубова и Грибовского. Слова: Отечество, общественная польза, жертва честолюбия и жизнидля нее известны были только в отношении к власти, от которой они ждали взгляд, кусок емали или несколько тысяч белых негров..." Такого рода рассуждения свидетельствует о том, что, очутившись во время службы во 2-й армии в атмосфере декабристских настроений, Давыдов до некоторой степени испытал их влияние. В письме от 25 октября 1819 г. находим живое описание Одессы и меткую характеристику Ланжерона: "Наконец я был в Одессе. Город хорош, но Ланжерон еще лучше. Истинный начальник порто-франко, врет без пошлины. Сверх того, поверишь ли, что в день почти его найти нельзя. Он прячется и, скакавши из дома в дом, уверяет каждого хозяина, что on dans les horreurs de la poste и что едет домой, тогда как его целый там день не

бывает дома. Назвал одну улицу Софиевской в честь двум Софьям Потоцким; назвал другую улицу Ланжероновской как будто он так отягчен бессмертием, что может бросать его на улипу". В письмах к Киселеву Давыдов часто жалуется на свои служебные неудачи, досадует на более счастливых теварищей, но вместе с тем скрывает свою досаду под маской напускного равнодушия. В этом отношении характерно письмо от 2 декабря 1819 г. (из Кременчуга), где Давыдов пишет о наслаждении спокойной семейной жизнью (в 1819 г. он женился); "Я врубил имя свое в 1812-й год — я каждый день счастливее и новом быту своем — имею угол, где не только на соломе, но и на диване могу лежать, курить трубку и читать, — перо, чернильница, бумага и ум — чего мне более? Скоро вступит в свет наследник моих добродетелей, которому уже четыре месяца, — и счастье мое удвоится — это ощутительное счастье, а не наш дым! Что мы? Когда и Суворов на одре смерти сказал: "70 лет гонялся я за славою; стою у гроба и узнаю мечты ее!" Не думай однако же, чтобы намерение мое было совершенно оставить службу, сохрани меня бог! Пока буду в силах ездить верхом, мыслить и рубить, я всегда буду солдат. Но я хотел показать тебе, что если забудут меня к войне — я имею чем утешиться и не буду просить милостыню у славы".

Во Всесоюзной Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина находится четыре письма Давыдова: к Е. А. Баратынскому (от 9 мая 1835), частично опубликованное Барсуковым ("Жиэнь и труды Погодина", т. IV, стр. 277), к М. Н. Загоски ну (без даты)—неопубликованное, к сыну Василию (от 26 декабря 1837 г.)—впервые публикуемое в настоящем обзоре (см. выше, стр. 37) и к М. П. Погодину, также неопубликованное и любопытное только содержащимся в нем свидетельством о том, что у Давыдова хранились автографы Грибоедова ("Посылаю Вам, любезнейший Михайла Петрович, отысканные мною почерки Грибоедова и светлейшего князя Потемкина...").

В московском Историческом музее имеются: рукопись "Материалы для современной военной истории. Записки о 1831 годе", записанное рукой Давыдова стихотворение Вяземского "К Ним" ("За что служуя целью мести вашей?") и письма его к Н. А. Муханову, Н. И. и Н. Н. Похвисневым и А. А. Наумову, опубликованные в "Сборнике старинных бумат" П. И. Щукина (см. выше).

В архиве Мурановского музея им. Ф. И. Тютчева найдено три письма Давыдова к Н. В. Путяте и французская записка к С. Л. Энгельгардт (позднее жена Путяты). Вот текст записки:

"Chère Sophie—n'oubliez pas de me copier ou plutôt de me faire copier [sicl] cinq à six pièces de vers de la C—sse Rostopchine. Vous m'obligerez. Denis Davidoff".

Одно письмо к Путяте (от 23 марта 1838 г.) мы уже цитировали выше. В другом письме (из с. Мазы от 10 октября, повидимому также 1838 г.) Давыдов пишет:

"Что касается до меня, то я только что отдохнул от вашего душного Петербурга. Наслаждаюсь моими необозримыми степьми и дышу свободно. Скачу за волками, лисидами и зайцами, сломя голову и успенаю в этих атаках порядочно. В ненастные дни сижу дома и кончаю переправляемый и совершенно переделываемый мной Опыт Партиванского действия для русской армии. Думаю его кончить к Генварю и отдать в печать немедленно".

В третьем письме (от 28 января 1839 г.) интересны строки, свидетельствующие о предсмертных литературно-журнальных интересах Давыдова: "Как идет журнал Одоевского и Краевского? [т.е. "Отечественные Записки".— В. О.]. Много ли у них подписчиков? Я вдесь для них работаю, всем журнал их рекомендую и некоторые подписались на него полагаясь на мои слова".

В архиве французского эмигранта Теодора Этье, находившегося одновременно с Грибоедовым в Персии в должности инструктора персидских войск, имеется три неизданных письма Дениса Давыдова к нему. В неизданном же дневнике Этье имеется запись о его внакомстве с Давыдовым на Кавказе. Впоследствии Этье переселился в Рессию; его архив ныне находится в Москве в частных руках.

Дальнейшие архивные разыскания могут дополнить еще фонд рукописного наследия Давыдова новыми материалами, преимущественно писымами; следует поискать их в

Остафьевском архиве князей Вяземских, среди бумаг К. П. Брюллова, А. И. Тургенева и др. Неизвестно, где находится ныне пять десят четы ре французских письма Давыдова к.Е. Д. Золотаревой (в 1890 г. письма эти были в руках А. А. Осипова) 47. В. свое время в печати появилось известие о неизданных письмах Давыдова к его дальнему родственнику Н. П. Воейкову 48.

Из всего вышеизложенного можно сделать два вывода: 1) прежние издания сочинений Дениса Давыдова ни в какой мере не могут быть признаны удовлетворительными ни в отношении полноты, ни в отнощении достоверности текстов; 2) сохранившиеся рукописные материалы позволяют существенным образом дополнить литературное наследство Давыдова и привести его в надлежащий порядок. В части поэтического наследства это уже сделано мною для "Полного собрания стихотворений Дениса Давыдова", изданного в серии "Библиотека поэта". Но также имеет очевидный смысл переиздать мемуарные статьи Давыдова, занимающие видное место в ряду памятников русской прозы 1820—1830 гг., и избранные его письма, заключающие богатый материал для социально-политической, военной и культурно-бытовой истории дворянской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сведениями о некоторых автографах Дениса Давыдова, хранящихся в московски? архивах, я обязан И. С. Зильберштейну и И. В. Сергиевскому, которым

пользуюсь случаем выразить свою благодарность.

2 Вероятно об этом издании Давыдов писал Н. А. Муханову: "Итак, позволяю тебе и уполномачиваю тебя взять у Лариона Васильевича [Васильчикова] рукопись мою и отдать оную в ценсуру... Но кто будет смотреть за корректурою? Не попросишь литы от меня Рылеева? я надеюсь, что он мне не откажет. Мне хочется напечатать полный завод, т. е. 1200 экземпляров, из коих сто на велиновой англицкой бумаге, а протчие на белой; мне также хочется, чтобы литеры были самые лучшие" (письмо неизвестного года — "Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина", ч. IX, 1901, стр. 323). Судя по этому письму, Давыдов предполагал сперва печатать свой "Опыт" в Петербурге.

3 "Русский Архив" 1874, II, стр. 732. 4 "Старина и Новизна", XXII, 1917, стр. 45. 5 Неизданное письмо от 24 февраля 1836 г. из Москвы. Архив Давыдова в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива, Военный отдел, фонд № 717. тетрадъ № 66.

6 "Старина и Новизна", XXII, стр. 49—50.
7 "Русский Эритель", ч. І, М., 1828, стр. 42—52.
8 "Московский Телеграф" 1828, XX, № 7, стр. 371—372.
9 "Северные Цветы на 1829 год", стр. 25—26.— Из позднейших догадок см. рецензию на сочинения Давыдова, изд. 1840 г. в "Литератрой Газете" 1840, № 69, стр. 1564.

10 Сочинения и переписка П. А. Плетнева, III, 1885, стр. 523.

10. Сочинения и переписка п. А. Плетнева, п., 1003, стр. 323.

11. "Старина и Новизна", XXII, стр. 53.

12. "Русский Архив" 1900, № 3, стр. 365.

13. "Сборник Русского Исторического общества", т. 73, 1890, стр. 540.

14. "Русский Архив" 1889, І, стр. 399—403.

15. "Остафьевский Архив", II, стр. 234; Ibid. на стр. 235—ответное письмо А. И. Тургенева.

16. Сочинения Давыдова, 1893, III, стр. 204.

¹⁷ См. письма Давыдова к А. М. и Н. М. Языковым.—Ibid., стр. 187 и 191.

18 Архив Мурановского музея им. Ф. И. Тютчева.

19 "Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду" 1838, № 30, стр. 596. 20 Денис Денисович Давы дов (род. в 1826 г.)— в ту пору штабс-капитан гвардей-

ской артиллерии. См. о нем "Полный Список... офицерами лейб-гвардии 2-ой артиллерийской бригады", СПБ., 1898, стр. 156. — Объявление Д. Д. Давыдова о предпринятом им "полном издании сочинений покойного отда его" см. в "Библиографических Записках" 1858, т. І, стр. 248.

21 См. "Журнал заседаний Санктпетербургского цензурного комитета" 1859 г.. 104 об. — 105, — в составе архива Министерства народного просвещения, ныне в ЛОЦИА (за сообщение этого сведения приношу благодарность И. Г. Ямпольскому).

22 "Старая Записная книжка" в Полном собрании сочинений П. А. Вяземского, т. VIII,

23 "Чтения в Обществе истории и древностей Российских", 1874, І, отд. V, стр. 98.

 24 Ср. "Русское Обоврение" 1897, № 5 и "Литературная Мысль", II, 1923, стр. 233—235.

25 "Старина и Новизна", IV, 1901, стр. 99.

26 "Русский Архив" 1869, стбц. 2094. — Ср. М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, 2-е изд. 1869, стр. 111, где указанная эпиграмма приписана А. Д. Курбатову.

²⁷ Сочинения Давыдова, 1893, III, стр. 196.

28 Подное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. Х, 1886, стр. 220.

²⁹ Сочинения Давыдова, 1893, III, стр. 203. 30 "Русская Старина" 1872, т. VI, стр. 400.

31 О судьбе давыдовского архива см. заметку П. Н. Давыдова "По поводу архива партизана Д. В. Давыдова" в "Историческом Вестнике" 1907, т. 109, стр. 1054—1055; ср. В. В. Жерве, Партизан-поэт Д. В. Давыдов, 1913, стр. 166.

32 См. протокол заседания академической пушкинской комиссии от 8 января 1906 г. в

сб. "Пушкин и его современники", вып. VIII, 1908, стр. XII и XV.

33 Стихотворение это вероятно обращено к Евгении Дмитриевне Золотаревой. Выделенные курсивем строки взяты из известного романса И. И. Козлова "Вечерний

ввон", тему которого варьирует стихотворение Давыдова.

34 Первоначально стихотворение это называлось "Лиза и Гриша" и везде вместо "Маши" и "Миши" были проставлены эти имена. Стихотворная шутка Давыдова посвящена неудачному роману пензенской помещицы Елизаветы Александровны Евреи-новой и Григория Александровича Римского-Корсакова— приятеля Давыдова, Пушкина, Вяземского (см. о нем полробнее в наших комментариях к Полному собранию стихотворений Дениса Давыдова 1933 г.). В неизданных письмах к жене Давыдов ъсто упоминает о Евреиновой, "страдающей любовью к неукротимому". роман ее с Корсаковым тянулся много лет и окончился полным разрывом (виною была "убийственная колодность" Корсакова). В начале 30-х годов Корсаков завел в своем пензенском поместьи большой свеклосахарный завод, славившийся производством "карамелек".

35 Датируется условно концом 10-х годов, обращено повидишено, по стиха этой влегии свие Чирковой, на которой Давыдов женился в 1819 г. Четыре стиха этой влегии (18—24) Давыдов процитировал в письме к А. А. Бестужеву (1824 г.).

38 В постои образования по представления образования по дель илет несомненно огр. Федоре Ивановиче Толстом-"Аме-85 Датируется условно концом_10-х годов, обращено повидимому к Софье Никола-

риканце", в 1811 г. дравшемся на дувли с командиром Преображенского полка полковником Е. В. Дризеном. В неизданном послании к петербургским друзьям Ф. И. Толстой, сосланный в нейшлотский гарнизон, писал:

> Давно ль, давно-ль, друзья, приятели, я с вами Питался сладкими свидания слезами?! И будто не видал щастливых тех часов, Когда с тобою был Марин! Аргамаков! С тобой, о пламенный Наташки полюбовник, Арсеньев, старый друг и прежний мой полковник! Но, ак! исчезло все, исчезло будто сон! С немецкой харею не эрю тебя, барон...

К последней строке в списке сделана сноска: "Дризен".

³⁷ Письмо сохранилось в архиве Давыдова (тетрадь № 68) в копии Д. Д. Давыдова.
³⁸ Рукопись "Письма о военном поселении" подготовлена нами к печати.

39 Ср. заметку М. Светловой в сб. "Московский Пушкинист", II, 1930, стр. 156—162. 40 Отметим ошибку В. В. Жерве, называющего адресатом писем к Толстому известного художника - медальера гр. Ф. П. Толстого (см. его книгу "Партизан-поэт Д. В. Давыдов", стр.VIII).

41 См. письмо Давыдова к А. А. Закревскому (1829) в "Сборнике русского истори-

ческого общества", т. 73, 1890, стр. 558.

42 "Столица и усадьба" 1915, № 42, стр. 4. Датировать эту эпиграмму можно только предположительно, вероятнее всего она написана была в 1806—1807 гг., когда Наполеон возвел своих братьев Жозефа, Людовика и Жерома на неаполитанский, голландский

и вестфальский престолы.

43 На обороте автографа рукой Давыдова написано: "Графу Александру Николаевичу от покорного слуги Дениса Давыдова обещанные стихи для Польского". Граф Александо Николаевич — Самойлов, дальний родственник Дениса Давыдова и дядя А. Л. Давыдова, мужа Аглан Антоновны Давыдовой (урожд. герц. Граммон), которой посвящено стихотворение. В киевском поместьи А. К. Давыдова Каменке часто устраивались семейные праздники в честь Аглаи Антоновны, которая "как истая француженка, искала в шуме развлечений средство не умереть со скуки в варварской России". Повидимому для одного из таких праздников Давыдов и написал свои куплеты, по просьбе гр. Самойлова и от его имени, — отсюда и заглавие стихотворения: "Племяннице". 44 В том же альбоме — записанное рукой Давыдова двустищие Н. М. Карамзина:

> Мы вечно то, чем нам быть в свете суждено, Гони природу в дверь, она влетит в окно.

Двустишие это процитировано между прочим в книге П. Л. Яковлева "Чувствительное путешествие по Невскому проспекту", 1828 (стр. 59). В том же альбоме — прозаическая запись Давыдова и карикатура, изображающая его во фраке, танцующим с дамой. О знакомстве Давыдова с П. Л. Яковлевым до настоящего времени не было известно; Яковлев описал Давыдова в своей книге "Удивительный человек", ч. III, 1831, стр. 33—35. — С альбомом П. Л. Яковлева ознакомила меня И. Н. Медведева, которой выражаю свою благодарность.

45 В собрании ИРЛИ имеется еще записочка, адресованная В. Г. Теплякову и написанная в третьем лице от имени "Генерала Давыдова" (почерк не Дениса Давыдова).

 46 Оригиналы этих писем по всей вероятности хранятся в Ленинградском отделении Центрархива в составе бумаг П. Д. Киселева, к которым я не мог получить доступа (ср. "Дела и дни", I, 1918, стр. 506).

47 См. "Исторический Вестник" 1890, т. 41, стр. 86.

48 См. некролог Н. П. Воейкова, написанный кн. Куракиным, в "Московских Ведомостях" 1872, № 4. — Николай Павлович Воейков (умер в декабре 1871 г.) был медынским уездным предводителем дворянства.